

Сергей Вольнов

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]

ДОЛЖНИК

Апокалипсис-СТ

Сергей Вольнов

Зона Посещения. Должник

«АСТ»

2015

Вольнов С.

Зона Посещения. Должник / С. Вольнов — «АСТ»,
2015 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-092262-8

Этот сталкер не новичок в Троте, однако долго отсутствовал, и ему нелегко принять, что российская Зона Посещения уже не такая, как раньше. Причем суть происходящего даже не в появлении новых мутаций и локальных изменений физического пространства. Кажется, в Троте происходит нечто, до сих пор небывалое, с восприятием людей. Возможно, это началось уже давным-давно, только некому было осознать это. А теперь в отчужденку вернулся тот, кто запомнил ее прежней. Сталкер, способный озадачиться вопросом: а та ли это Зона, из которой он когда-то был вынужден уйти? Вернулся, чтобы наконец-то отдать старый долг и завершить ходку...

ISBN 978-5-17-092262-8

© Вольнов С., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Новая ходка: «Кому вниз»	8
Пролог	8
1. Новое рождение	13
2. Новое имя	21
3. Новые встречи	26
4. Новый напарник	32
5. Новый пункт плана	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Вольнов

Зона Посещения. Должник

Посвящается тем из читателей, хранящих верность теме, которые идут дальше – сами пытаются писать о сталкерах отчужденных Зон

*Умирают только за то, ради чего стоит жить...
Антуан де Сент-Экзюпери*

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году
Серийное оформление Э.Э. Куньши
Компьютерный дизайн А.И. Смирнова
Иллюстрация А.С. Руденко

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год:

«– ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?»

– Полагаю, что нет. Радиант Пильмана – это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

– Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана – понятие, известное всякому школьнику.

– Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» – там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

...

Радиант Пильмана – это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля – Денеб. Денеб – это альфа созвездия Лебедя, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана».

Аркадий и Борис Стругацкие, «Пикник на обочине».

Дорога терялась в тумане. Бродяги прокрадывались по ней, стремясь вперед, прямо в серую мглу. Один прокладывал маршрут, бросая камешки, другой контролировал фланги и тылы, оглядываясь и поводя стволом автомата.

Выбран ли напарниками верный курс, который приведет их к цели? Может, стоило пойти иной дорогой?.. Даже если и так, возвращаться не принято. Потому что здесь Зона. Насчет возврата не стоило и заикаться.

Они вообще не отличались многословием, эти два ходака. Четкие и быстрые реплики, которыми они иногда обменивались, разделялись долгими паузами.

Туман говорил гораздо больше. В его густой пелене постоянно что-то клокотало, ворчало, сопело, лопалось, булькало и угукувало. Беспорядочно, нестройно и почти непрерывно, то тише, то громче. Кого-то из людей это могло бы испугать, кого-то бросить в дрожь, кого-то скорей удивить, чем утратить, но для бывалых, истоптавших много зонных троп бредунов подобный шум становился фоновым и не оказывал особого воздействия.

Так что вряд ли эти двое идущих были напуганы неизвестностью, скрывающейся во влажной пелене. Глаза их холодно, цепко осматривали ближние окрестности, лица оставались суровыми и сосредоточенными, мимика почти не нарушала неподвижность их черт. А с оружием эти мужчины обращались так же уверенно, как взрослый человек за Периметром, в большом мире, управляет с ложкой и вилок.

Привычными, давно и прочно отработанными движениями они перемещались по бывшему шоссе, когда-то, в незапамятные времена, претендовавшему зваться асфальтированным. Но поступательное ровное движение продолжалось лишь до того момента, пока не появилась угроза. Реальная, во плоти опасность, а не та вероятная, что потенциально скрывалась в тумане, где-нибудь дальше или ближе...

Существо размером с человека, сохранившее в наличии все основные элементы человеческого тела. Правда, в несколько ином количестве. Передвигалось оно нескладно, заметно кренилось влево – с этого бока у него имелась только одна нога. Но шустро и целеустремленно, представляя собой совершенно явный образчик зонного мутанта, способного непосредственно причинить вред двум путникам.

Стоило ему вычленившись из тумана, и ритм движений напарников тотчас сменился. Реакция на угрозу последовала моментально. Оружие после приведения в действие спусковых механизмов ожило, чтобы исполнить свое предназначение. Автоматы с рыхлым стрекочущим звуком, тонушим в окружающей взвеси, исторгли смертоносные кусочки металла.

Тварь, мутировавшая из человека, была остановлена на относительно безопасном расстоянии. Одна из очередей снесла ей обе башки, похожие на здоровенные картофелины, изрытые глазками, а вторая очередь измочалила нижние конечности, общим числом три, одну слева и две справа. Монстр рухнул и застыл неподвижной грудой. Никаких остатков одежды или бронекompлекта на туловище не наблюдалось, эти признаки былой видовой принадлежности им были утрачены в процессе обращения в зонного мутанта. В Троте расплодилось немало разномастных тварей, получившихся с участием человеческого генофонда.

После этого, переглянувшись, напарники отправились дальше. И прошли еще не менее полукилометра, когда снова переглянулись, без слов поняли друг друга и сделали привал. Они присели на корточки прямо посередине шоссе, чтобы передохнуть. Белесая взвесь в точке их остановки как-то немного разошлась, расступилась, но недалеко – выраженно сконцентрировавшись вокруг. Двое бредунов о чем-то даже побеседовали, но слова почти сразу терялись в тумане, как и в памяти.

Ходоки достали галеты и подкрепились. Пополнение энергии – важное занятие. Тот, что был покрупнее, массивный и высокий, жевал тщательно, неспешно. Его напарник справлялся с насыщением быстрее и сгрыз уже три твердых соленых кругляша, когда большой еще доедал второй.

Поэтому меньший из напарников, прокладывая путь, чтобы не терять время, занялся ревизией своего запаса тестовых камешков. А потом ходка вновь продолжилась, и, конечно же, вскоре из тумана появился очередной монстр, жаждущий подкрепиться свежей человечинной. Этот, судя по его внешности, получился из медведя. Стычки не случилось, напарники метко расстреляли тварь с приличной дистанции, не подпустив и не дав ему преградить им путь. И продолжили слаженно, отработанно прокрадываться по шоссе. До следующего монстра, одинокого мутаволка, которого моментально прикончили, стоило зверюге появиться в поле зрения...

Они шли и шли вперед, больше не тратя драгоценное время на остановки, помня главнейшую заповедь бродяг, что дорогу осилит идущий.

Новая ходка: «Кому вниз»

*Мы всего боимся, как и положено смертным,
и всего хотим, как будто награждены бессмертием...*

Франсуа де Ларошфуко

Пролог

Человек покинул салон автомобиля. Таксист, сидящий за рулем старенькой «Ауди», незначительно, если не сказать поспешно, развернулся и укатил восвояси, оставив привезенного пассажира на бетонной площадке. К этому забетонированному квадрату и вела дорога, проложенная сквозь лесную чащу. Точнее, к воротам в заборе. К наглухо запертым изнутри воротам.

Высокая ограда тоже была бетонной, она убегала вправо и влево, теряясь из виду, сливаясь с хвойной зеленью. Заваленный сугробами промежуток между ней и стеной деревьев, шириной от силы в пару десятков метров, оставлял немного перспективы для просмотра.

Если верить общедоступным географическим картам, место, где мужчина, выбравшийся из салона на площадку, сейчас оказался, было сплошь покрыто непроходимыми лесами. На деле же заснеженные чащобы справа и слева от дороги заканчивались, обрезанные оградой...

Дальнейший путь вперед вел только в одном направлении. Через эти ворота.

Стучаться в них не стоило; как пить дать поверхность под напряжением. Коснешься – разряд. О том, что за оградой военный объект, красноречиво намекали спиральные кольца «егозы», тянувшиеся поверх трехметровой ограды.

Оттуда, из-за забора, доносились множественные отзвучья, едва слышные скрипы, лязги. Если отойти от преграды чуть дальше, то поверх нее кое-где виднелись крыши строений и сторожевые вышки. Но на площадке перед воротами – ни души, ни колебания, скудно и сиротливо. Сыпавшийся ночью снег на ней был тщательно убран, сметен к боковым сторонам, и колеса автомашины оставили на сером бетоне грязно-белые сдвоенные следовые дуги.

Впрочем, человеку не стоило беспокоиться о том, каким образом продолжить движение. Безусловно, за ним наблюдали. Камеры слежения он отыскать взглядом даже не пытался. Технологии достигли такого уровня, что сделать это несведущему удастся разве что на ощупь.

Технический прогресс не стоит на месте, а занимается тем, чем ему и положено. Вот и устройства мониторинга научились в один момент сливаться с поверхностью, на коей закреплены, будто заправские хамелеоны. Простор для применения всегда обширен: шпионаж всех разновидностей, папарацци, охрана, войсковая разведка...

Мужчина, стоявший перед воротами, припожаловал налегке. Во всяком случае, такое создавалось впечатление. Без рюкзака, походной сумки, пакета, какой-нибудь барсетки или хотя бы архаичного «узелка». Простенькая невзрачная одежда зимнего фасона, в руках не держит ничего.

Прошло минут десять. Без изменений. Но рано или поздно должно было что-то произойти. Поэтому человек спокойно ожидал. Прохаживался туда-сюда вдоль ворот, неторопливо, будто свежим воздухом подышать в зимний лес приехал.

Наконец в створке ворот открылась дверца, какой-либо ручки или замка с внешней стороны не имевшая и вообще практически неразличимая в металлической серости.

В образовавшемся проеме показался... офисный клерк. Именно это словосочетание лучше всего подходило к характеристике показавшегося. Где-нибудь в банке или конторе компании, среди мужчин и женщин в деловых костюмах, он просто потерялся бы. Но здесь,

посреди леса, на секретной военной базе, человек, выглядящий как типичный бухгалтер, смотрелся очень неожиданно.

Приехавший на такси подошел вплотную к дверце и остановился перед встречающим. Сам он был мужчиной солидно за сорок лет, с глазами цвета крепкого чая и аккуратной бородкой – волосы не больше сантиметра длиной, ровно подстриженные, некогда темно-русые, но сейчас уже порядочно выбеленные сединой. Растительность на голове, что любопытно, седина не тронула. Его телосложение назвать тощим язык не повернулся бы, хотя упитанным или тем более толстым он не выглядел. Несмотря на возраст, брюшко не появилось. Рост у пришлого был выше среднего, но к высоким его причислять вряд ли стоило. Ладный такой, коротко говоря, дядя. Не большой и не маленький. Не громила и не хилак.

– Добро пожаловать, – произнес клерк, при этом в тоне его голоса не проскользнуло и намек на гостеприимность. – Пароль! – потребовал он.

– Гончая без усталости бежит по бесконечному тетраэдру, – отчеканил гость.

После того как мужчина выдал сию эпическую фразу, на его бородатом лице промелькнула тень ироничной ухмылки.

– Принято, – с каменным лицом ответил «костюм».

В проеме за его спиной не просматривалась открытая территория, внутренний плац какой-нибудь. Эти ворота вели сразу в какое-то закрытое помещение. Возможно, предназначенное для карантинных целей.

А еще за спиной клерка, чуть поодаль, воздвигались трое парней в военной форме. И как только прибывший человек шагнул внутрь, мимо посторонившегося «костюма», на него уставились черными зрачками автоматные дула. Бездонные, как Колодец, длинные, как железнодорожные тоннели, и темные, темнее повисшего в помещении полусумрака и цвета неседых прядей бороды вошедшего, темные, как нескончаемое ничто, начинающееся сразу после синхронно выпущенных солдатами огненных очередей. Но самое страшное – безучастные.

Впрочем, как и тот, на кого они нацелились. Если гость и испытывал страх, то держал его глубоко в себе, не выпуская наружу ни в малейших проявлениях. Хотя, учитывая степень серьезности обстоятельств, логично было предположить, что оружием тут военные бряцают не просто так, для авторитета. Могут реально пристрелить, дай только повод.

За впущенным гостем захлопнулась дверная створка, отсекая его от внешнего мира. С этого момента пути назад у него не было¹.

– Туда, – коротко скомандовал один из военных.

И пришлого повели вон из «предбанника». Через проем в левой стене, куда-то вниз, по лестнице. Преодолев два коридора, под прямым углом друг к другу, конвоируемый гость оказался в комнате. Здесь за обычным письменным столом сидел немолодой человек. Этот – сильно контрастировал как с военными, так и с офисным клерком, потерявшимся где-то по дороге сюда. Над верхней губой сидевшего тянулись седые лохматые усы, нестриженные космы на голове увенчивались неожиданной кепочкой с длинным козырьком, над которым тянулась надпись «Люблю Москву». Верхнюю часть туловища прикрывала белая спортивная куртка с неожиданной, почти забытой архаикой – эмблемой Олимпиады в Сочи. На столешнице перед

---

¹ Эта книга напрямую взаимосвязана с романами о российской Зоне Посещения: Сергея Вольнова и Владимира Колчина «В спящем режиме» и «Плата за выход», Сергея Вольнова и Евгения Смагина «Заложники небес», которые необходимо обязательно прочесть для понимания сути происходящего (все – серия СТАЛКЕР, цикл «Зона Посещения»). Для понимания всех деталей также понадобится узнать содержание романа Сергея Вольнова «Прыжок в секунду [Зона будущего]» и романов об Ареале Визита: Сергея Вольнова и Евгения Смагина «Предел желания [Радиянт Пильмана]», «Испытание силой [Зона Посещения]» (все – серия СТАЛКЕР издательства «АСТ»). У читателей, не знакомых с общей предысторией событий, также имеется возможность в подробностях узнать всё, что происходило раньше, из книг Сергея Вольнова «Ловчий желаний», «Zona Incognita» и «Режим Бога» (серия «S.T.A.L.K.E.R.» издательства «АСТ»). Для наилучшего же понимания – всем, кто еще не успел, непременно следует прочесть «Пикник на обочине» Братьев Стругацких. Чтобы не теряться в догадках по поводу некоторых фактов и обстоятельств. Да и просто потому, что эта легендарная повесть более чем заслуживает прочтения.

ним в прозрачной чашке коричневел остаток недопитого кофе, правее лежал планшетник военного образца, а рядом с чашкой россыпь крошек, скорее всего от печенья.

Гость коротко поздоровался:

– Приветствую, – и добавил: – Я от Макарыча и Коротыша.

– Ясное дело. Слушай сюда, – без ответного приветствия и прелюдий начал усач, – мы поможем тебе добраться. Называй вещи, которые хотел бы иметь при себе, когда очнешься.

– Походная одежда. Питьевая вода, пищевой паек на неделю, абсорбирующие пакеты, базовая аптечка плюс десять доз энергана. Камушки и гайки. Фонарь, альпинистские приспособления. Оружие, боеприпасы... Ну и защитный комплект хотелось бы не особенно старой модификации.

– Это по отдельному тарифу, – вставил усатый, сидящий за столом.

– Само собой.

Диалог велся быстро и сухо. Лицо усатого было невыразительно, но взгляд – цепким, внимательным. Сидящий за столом почуял в госте опытного бродягу.

– Вот. – Рука, облаченная в рукав белой куртки, протянула клиенту планшет. – Глянь модели брони и оружия. Это все, что есть в наличии.

– Тогда «Тур» и пару «Ястребов». Двойной боезапас к ним. Еще светозвуковые гранаты. Боевых не надо. «Ночеглаз» с дублирующим элементом питания. Карту территории, хотя бы устаревшую. И пятую модель «Муромца», – просмотрев предложенный каталог, быстро определился клиент. – Подсчитайте, сколько я должен.

В этот момент, будто подслушивал за дверью или владел телепатией, в комнате возник офисный клерк.

У этой структуры, как и в любой устоявшейся мафии, каждый член исполнял свою функцию. Колорит приносило разве что неперемное присутствие бойцов в униформе, но иначе и не могло получиться в условиях, когда армия и спецслужбы тотально контролируют Периметр и никого в Зону не пускают. Официально – ни в коем случае не! Одному главе государства известно, сколько ресурсов и средств вбухано в новую систему, предназначенную для уничтожения всего живого, не внесенного в списки имеющих допуск. Старый, еще в советские времена навороченный «Вал» послужил для нее лишь фундаментом.

Клерк забрал терминал, пробежался кончиками пальцев по экрану и развернул его к клиенту, демонстрируя сумму. Тот согласно кивнул, извлек из кармана пачку банкнот и протянул ее «офисному». Клерк пересчитал купюры и разделил на две части. Одну из них сунул в карман пиджака, то есть принял к оплате. А вторую, тоненькую, положил на стол.

– Это сдача, – сообщил он. – Будет добавлена к снаряжению.

– У нас все по чесноку, – сказал усатый. – Тебе за Периметром сгодится. Хабар надыбашь – нам приноси.

– У меня с собой еще, – признался клиент, добыл из внутреннего кармана и выложил на стол вторую пачку. Прятать деньги смысла не было в любом случае; в процессе переправки он станет «тушкой», с которой могут сделать все что угодно. Даже обмануть, оставив без закупленного снаряжения, «нагреть по приколу».

Но выбирать не приходилось. Только бы переправили... Ему действительно оставалось надеяться лишь на то, что у этих – «по чесноку».

– Можно вопрос? – спросил клиент, не сводя взгляда с «казначая».

– Давай, – разрешил усатый. В этой комнате он имел право первого голоса. Судя по всему, когда этот мужчина снимал белую «спортивку», то скорей всего надевал форменную куртку с полковничьими звездами на погонах. Как минимум. И в служебном удостоверении у него вряд ли значилась принадлежность к военному министерству.

– Почему такой способ оплаты?

– Наличные надежнее, чем электронные счета. – Этим спорным утверждением офисный «костюм» ограничился.

Отвечая, он продолжал просвечивать купюры сканером. Проверив, еще раз пересчитал, как положено у них, бухгалтеров.

– Чисто, – отрапортовал он.

– Свободен, – бросил седоусый, и клерк испарился из комнаты, унося внесенную плату за переход.

– Сейчас тебе вколют замедлитель, – сказал клиенту сидящий за столом. – Придешь в себя уже там... может быть. И давай обойдемся без вопроса про гарантии. Их нет. Как и обратного пути... – Он умолк, выдерживая многозначительную паузу, и закончил фразу одним словом: – Теперь.

Седоусый ткнул рукой, показывая на вооруженных бойцов.

– Их служба – ничего живого не выпуска-ать, – даже с каким-то наслаждением в голосе добавил мужчина в белой куртке и кепочке с признанием в любви к столице.

Бородатый клиент сдержанно прокомментировал:

– Я понял.

И без колебаний закатал рукав. Видимо, ему до того сильно требовалось попасть в Трот, что даже вынесенный приговор не страшил. Либо у него имелось собственное мнение по поводу обратного пути и возможности выбраться живым. Впрочем, мнение «без одной минуты неживого» в этой комнате уже никого не интересовало.

«В обратном направлении» эти деятели, использующие госслужбу в личных целях, принимали только зонные артефакты. Люди к Инопланетным Объектам, для краткости прозванным зонниками или ИОшками, не относились. Люди предназначались только на роль инструментов их добычи и средств доставки к внешней границе первого круга. Где и получали в обмен на хабар необходимое для выживания – пищу, воду, лекарства, оружие, боеприпасы и кое-что еще. Чтобы вновь уйти вниз, в глубину Трота. При желании – вплоть до пятого уровня, куда после легендарного разгрома основных сил инферновцев открылся почти свободный доступ. Хотя преодолеть полсотни кэмэ, отделяющих внешний Периметр от эпицентрального Колодца, и вернуться невредимым мало кому удавалось. Во все периоды существования Трота...

Один из армейских приставил к руке потенциального самоубийцы, пожелавшего попасть в Зону, миниатюрный инъектор. Прибор жажужжал, из него выглянула и тотчас же скрылась под кожей человека иголка. Клиент обмяк, его подхватили под руки и бесцеремонно потащили по коридорам. Седоусый бесстрастно смотрел вслед. Для него все произошедшее было рутинной процедурой. Очередной кадр, не первый и не последний за этот месяц, которого привезли к воротам базы прикормленные таксисты.

– Удачной ходки, бредун, – проворчал старший офицер и добавил после паузы: – Если что.

После этого вернулся к своему недопитому кофе.

Очередную «тушку» выволокли наверх, наружу и через внутренний плац дотянули до армейского грузовика, в кузов которого и забросили.

До собственно Периметра еще оставалось километра три.

Персоны, не внесенные в спецреестр (более чем ограниченный количественно), только в качестве неживого мяса смогли бы попасть в российскую Зону, опять наглухо закупоренную уже несколько лет. Лишь так охранная система пропускала через себя материальные объекты. Все живое или способное самостоятельно двигаться – НЕ!

Однако «наука умеет много гитик», и некоторые дорогостоящие достижения современной фармацевтической отрасли позволяли экстренно превращать клиентов в хладные трупы. На какой-то период времени.

Конечно, всегда оставалась вероятность, что организм очередного соискателя не осилит смертоносное вторжение, и временный яд окажется окончательным.

Неудивительно, что бредунов в Троте нынче на порядок меньше, чем когда-то было сталкеров. Но все едино – постоянно находятся желающие сгинуть в следовой ямине, оставленной тяжелой поступью Посещения.

1. Новое рождение

Бодрящим потоком нахлынул холод, до ушей донесся свист ветра, и человек открыл глаза. Лежал он на снегу, к счастью, доставщики все-таки переодели его тело, «отъезжавшее на тот свет», в теплую одежду, зимний комбинезон и ботинки. Поэтому обморожения не случилось. Хотя положенный сюда труп и был «хладным», но когда ожил, то какое-то время просто валялся в отключке. И поваляйся он здесь еще чуток...

Но все отрицательные вероятности канули в прошлом. Впереди – будущее. И каким оно будет, с этой минуты зависит не от доставщиков, а исключительно от него самого. Уж кто-кто, а человек, явно имеющий за плечами опыт ходок в Троте, знает это доподлинно.

Бородатый мужчина поднялся в полный рост, размялся, затем опустился на корточки и перебрал содержимое походного рюкзака, оставленного рядом с «трупом». Тут же – мешок с оружием и защитным комплектом. Да, все, что было им заказано, внутри присутствовало. Не обманули. По-честному... Что ж, оно и понятно. Мафия более чем заинтересована, чтобы в Зоне по-прежнему бродили «мужики», которые притащат из глубины драгоценный хабар...

Мужчина огляделся по сторонам, определяя, где находится. Небо повисло низко и смотрелось как сплошное набивное одеяло, из которого сыпался пух. Сгустились сумерки, приближалась ночь.

Да, не так уж и мало времени он провел здесь в амплу мертвяка – следы доставщиков скрыл снежный покров. И снегопад усиливался. Если наберет скорости и ветер, то жди настоящей метели.

Двадцать пятое декабря, однако. Самое то – для рождения в новой жизни.

Мужчина помотал головой, сделал еще несколько физических упражнений. Как мог попытался сразиться с «отходняком» после препаратов. Ему ведь предстояла не прогулка по парку, и жизненно необходимо как следует сосредоточиться.

Проанализировав обстановку, он выбрал направление, нацепил на себя элементы комплекта «Муромец», экипировался, нагрузился и отправился в путь. Темп сразу набрал крейсерский. Не тормозил, но и не форсировал особо. Двигался с такой скоростью, какая не позволяла озябнуть. По темпу движения и по отсутствию видимого волнения на лице можно было определить, что если для него существовал некий график развития событий, то он в него пока укладывался.

И наконец путник добрался к канаве, протянувшейся поперек маршрута, неширокой, глубиной метра два, и одинокого старого дерева за ней, кряжистого дуба. Здесь был рубеж. Дальше уже начиналась территория, где могли вытвориться конкретные чудеса.

Что это именно так, путник моментально ощутил и удовлетворенно пробормотал что-то неразборчивое. Сам себя похвалив за то, что способность и навык не утрачены.

Перепрыгнув канаву, он сделал первый шаг в настоящую Зону Посещения.

В принципе и до этой условной линии пространство вокруг идущего уже являлось не совсем нормальным. Пусть и слабенько, почти несущественно, но измененным относительно естественной для Земли физической природы. Не таким, каким оно было на военной базе.

Да, мужчина находился внутри Периметра, сквозь который его доставили в «потустороннем статусе», и вокруг уже простиралась Зона Посещения. Только самый ее внешний край, и пока что ощутить и заметить влияние неземного воздействия напрямую не удалось бы.

Разве что опосредованно. Основные отличия от внешнего мира вообще и от городской среды в частности – конечно же, отсутствие действующих машин, целостных дорог, движущихся пешеходов, обычных животных, неразрушенных строений, но имелось и еще кое-что. Эманация смерти, распада, уничтожения, ставшая неотъемлемым элементом в этих весах, но уловить ее сразу, от самого края, могли очень немногие... Только у тех, кто неоднократно

сталкивался с проявлениями внеземной природы лицом к лицу, постепенно вырабатывался особый нюх на нее.

Но самое важное, что отличало пространства Зон Посещения от, например, «горячих точек», где велись боевые действия, тоже смертельно опасных, – присутствие чего-то ИНОГО, совершенно инородного. Однако распознать эту примесь оказывались способны далеко не все. Если удавалось, значит, повезло – проявлялась и развивалась так называемая сталкерская чуйка, и существенно повышались шансы на выживание. Чужеродное присутствовало неравномерно, и улавливание колебаний концентрации его влияния помогало. Позволяло избегать наиболее опасных участков окружающей среды...

Смущенный чем-то идущий прекратил движение и замер. Метнул перед собой проверочный камушек – тот, пролетев несколько метров, шлепнулся в снег, как положено. Еще камушек, на этот раз немного левее. Однако с этим снарядами не все прошло как по маслу. Перед тем как упасть, он взвинулся, подскочил вверх; только после этого взбрыка поддался тяге гравитации и приземлился. Человек не рискнул ступить туда, куда бросал второй камушек, он направился обходным путем.

Идущий использовал проверенный сталкерский трюк – исследовать маршрут материальными предметами. Бросать можно было что угодно: камешки, гвозди, гайки, другие железячки, любые мелкие предметы... некоторые бродяги для удобства наблюдения привязывали к тестовым снарядам белые ленточки. Говорят, первыми это стали делать сталкеры в хармонтской Зоне, еще в начальный период после Посещения, когда там торили первые тропы легендарные Гуталин, Красавчик Диксон, Рыжий Шухарт, Стервятник, Очкарик и другие первопроходцы. Здесь, в Троте, мало кто заморачивался с ленточками. Чаще использовали фрагменты минералов и пород, благо камней и обломков строений повсюду валялось немерено.

По-настоящему крупный населенный пункт в пределы Зоны угодил только один, город Межреченск, в самом центре там теперь пятый круг и частично четвертый. Но городков, поселков и деревень в ямине оказалось до черта. Хотя сперва углубление еще не провалило уровень на километры, и яма была неглубокой. В эпицентре с высоты девятиэтажки от силы. Однако по площади она уже была такой же, как сейчас, то есть вдавленный в планету кругляш почти стокилометрового диаметра.

Потом случился первый Захват, утащивший кучу народу и животных в бездонный Колодец. После него площадь не увеличилась, но зато добавилось несколько метров глубины, и пошло-поехало... Вниз.

А кстати, тот самый Золотой Шар, исполняющий сокровенные желания, говорят, никто из тамошних бродяг в Хармонте так и не надывал. Еще одним мифом истории Посещения скорее всего оказался зонник такой, способный исполнять желаемое. В Троте вот тоже свои варианты вождельного исполнителя желаний случались, и где они, спрашивается, кто-нибудь их реально добыл?.. А если раздобыл все же, то какого хрена до сих пор ни одна падла не пожелала, чтобы Зоны исчезли на фиг?!

Чтобы человечество раз и навсегда избавилось от соблазна погрузиться в иноземную природу... Вот так, чтоб всем сразу людям подарочек, безвозмездно, и чтобы никто не оставался один на один с проклятой Необъяснимостью, нагрнувшей с небес...

* * *

Если брошенный для проверки снаряд снижался без эксцессов, человек шел туда, где тот упал, подбирал и следовал дальше. Бывало, что камушек сминался в лепеху, был испепелен либо взорван – так локальные ИФП себя проявляли. Без каких-то разведочных мероприятий идущий мог подвергнуться уничтожающим воздействиям. А благодаря тестированию пространства он своевременно замечал опасность и корректировал курс.

Конечно, надеяться только на проверочные броски не стоило, пусть они и существенно подсобляли ориентироваться. Могло случиться и так, что локальный участок измененного физического пространства «проигнорирует» камушки и не определится невооруженным глазом. Хорошо, если путник его почувет как-то иначе, а если нет... Там уж как повезет. Правда, попадание в ловушку не всегда гарантировало летальный исход, но в большинстве случаев – да. К тому же для одинокого путника в Зоне по-настоящему серьезное ранение или травма если не синоним смерти, то очень толстый намек на нее.

Имеющегося арсенала должно было хватить, чтобы пересечь концентрическое кольцо первого круга, самое неглубокое, но зато самое широкое и протяженное из пяти уровней Трота. Доставщики не заботились предоставлять на выбор слишком уж обширную коллекцию оружия, но клиент взял наиболее подходящее, по его мнению, из того, что было. Спасибо им, деньги не прикарманили. И «сдача» с первой пачки, и вторая целиком остались при нем. Вероятно, «товарищ полковник» счел этого уходящего в Зону перспективным кандидатом в добытчики наваристого хабара...

Агрегат «Тур», название говорило само за себя. Двуствольный. Нижний ствол выполнял функцию дробовика, выстреливая облачка картечи. Людей и некрупную живность разило наповал вблизи и на средней дистанции, для более дальних дистанций сложнее прицеливаться и можно не пробить, особенно если у врага прочная защита. Против крупных зонных монстров нижний – уже не такой эффективный ствол, для этого есть верхний, помощнее и поубойнее, по сути, штурмовая винтовка с патронами традиционного калибра семь шестьдесят две.

Можно было, конечно, взять по отдельности «калаш» и помповик, но идущий в Зону рассудил, что для одиночного рейда и без того нагрузился более чем солидно. Дальше, при okazji, внутри можно разжиться чем-то из оружия... Не привыкать пользоваться трофеями.

К тому же у него в распоряжении имелись «Ястребы» – компактные пистолеты-пулеметы, разящие очередями. Слабая убойность компенсировалась высокой скорострельностью и серьезной вместимостью магазинов. Годные машинки, но только в качестве «вторички». Которую при удобном случае опять же практичнее сменить на что-нибудь более ударное. Не «макаровы» же древние брать было! Блин, и ни одной хорошей снайперки в предложенном каталоге...

И светозвуковые гранаты, полезнейшие штуковины. Легкие, что важно. В бою против людей позволят выиграть фору, а монстров, хоть немножко человекоподобных, можно оглушить, ошеломить или даже спугнуть. Главное – самому не попасть в полусферу воздействия поражающих волн. Одиночке таскать с собой сумками боевые гранаты неэффективно. В этом он убедился еще в молодости, когда бродил в Троте. Для серьезной схватки их нужно много, а куча гранат – это тяжелый груз. Лучше дополнительные магазины к «первичке» взять. Меткий глаз превращает пулю, прицельно поражающую уязвимую точку, в прекрасную замену пары-тройки гранат. А против толпы или стаи, для схватки с которыми сумка гранат и сгодится, ему все едино не выстоять. У соло в Зоне – свои недостатки и свои преимущества.

Имея такой набор оружия, как у него сейчас, можно было идти дальше вниз с надеждой на то, что в будущем удастся обзавестись более серьезными «пушками». Купить или забрать у поверженных противников.

Однако сталкер и не предполагал, какое испытание его ждет очень скоро.

* * *

Он остановился в раздумье. Замер перед мрачной громадой елбана – одиноко расположенного высокого холма. По обеим сторонам от возвышенности простиралась луговая равнина, море безжизненной травы, заснеженной и мумифицированной. Рваный ветер порывами прокатывался по нему и колебал иссушенные стебли. Они шуршали, колыхались, склонялись

под давлением неугомонных дуновений. Далеко слева виднелся изъеденный ржавчиной, отслуживший свое трактор, навеки оставшийся торчать здесь островком посреди моря...

Одичавшая растительность перед тем, как засохнуть, вымахала настолько, что понадобились бы сугробы метров трех вышиной, чтоб захоронить под снежным покровом эти заросли. А поскольку снежок сейчас припорошивал еще робкий, девственный, то намело едва-едва, и мертвые стебли торчали из белой поверхности.

Мужчина раздумывал, что выбрать.

Дилемма – взбираться на вершину или обогнуть – особо не стояла. Что там умный должен сделать с горой, вместо того чтоб взойти на нее?.. Вот-вот.

С правой стороны у самого подножия возвышенности притаилась нехорошая яма, из которой едва уловимо веяло гнилью. Рядом с ней раскачивалась, словно подвесной мост, бликующая полоса воздуха. Вместе эти явления уже служили достаточным поводом, чтобы не соваться туда.

Сталкер помедлил еще с минуту, взвешивая шансы, и выбрал для себя направление. Но прежде чем шагнуть, решил присесть, передохнуть немного. Морозить задницу лишний раз не стоило, но как бывалый бродяга он все же не должен был позабыть о безусловном для человека в Зоне правиле – «незамыленного взгляда».

Поэтому примостился на обломок каменной породы размером с холодильник, смахнув предварительно с него белоснежный налет. Не то чтобы изрядно утомился, но перед тем, как искать окольную тропку, надо погодить, дабы не вляпаться по глупости...

Пока совсем не стемнело, «ночеглаз» он не включал и на голову не надевал. Неизвестно, когда удастся подзарядиться, и энергию прибора следует поберечь. По той же причине он пока не включал фонарь.

Устроив привал, идущий первым делом добыл вторую пачку купюр, толстую. Размотал клоч упаковочного материала, в который деньги были обернуты, и... вытащил заложенную между банкнотами короткую заостренную палочку. Не деревянную и не костяную, но явно органического происхождения. Мужчина сквозь сгущающийся сумрак пристально всматривался в нее добрую минуту, и губы его вдруг растянула улыбка, вмиг преобразив суровое лицо. Оно аж засветилось!.. Отправлен этот обломок был не обратно в пачку денег, а спрятан во внутренний карман, слева, поближе к сердцу. Финансы же вернулись в накладной карман.

Затем бродяга, стерев улыбку и вновь посуровев, вытащил из этого же накладного кармана пачку крекеров, которую поместил туда вместе с деньгами еще в начале пути, вскрыл упаковку, добыл один, надломил, с хрустом распробовал. Скривился... Не изысканный образец кулинарного искусства, но сойдет. Привычное дело. Идущим в неизвестность по Зоне – не до гастрономических капризов. Пока он жевал одну половинку, вторую немножко размочили падающие снежинки. Он проглотил и ее, затем едва успел сунуть пальцы в пачку за следующим крекером, как вдруг...

Откуда-то справа, с луговой равнины, донесся звонкий, хлесткий выстрел. Через пару мгновений – еще один. Сталкер встрепенулся, мигом сунул открытую пачку съестного в карман и схватился за оружие. Трот напомнил, что в нем без приключений никак не обойтись. Фактически одной рукой оружие необходимо всегда держать при себе. Мужчина согнулся пополам и шмыгнул в высокую травянистую поросль. В том направлении, куда и собирался держать курс. Облепленные снегом стебли, не сгнившие и не полегшие, как с ними случилось бы в нормальном мире, торчали густо, и человеку не составило труда буквально затеряться в их дебрях.

Наконец воцарившаяся темнота и обильный растительный покров тщательно упрятали одинокого путника от абстрактного стороннего наблюдателя, если таковой имелся поблизости.

Глаза у сталкера широко раскрылись, округлились, даже слегка выпучились. Пристально всматриваясь в окружающую среду, он приобрел очень хищный вид.

Через минуту он решил, что уже пора задействовать сканер, чтобы обрести ночное зрение; и нацепил очки, похожие на горнолыжные, только гораздо массивнее. Далеко не новая модель, но уж какая есть.

Стреляли. Значит, где-то в окрестностях люди. Не со стопроцентной вероятностью, ведь некоторые мутанты – чмошники, получившиеся из людей, – тоже могли использовать оружие. Но скорей всего – соплеменники. Повстречался. Или нарвался. Повезло ему в этом или наоборот, судить рано, но сам факт, подтверждающий присутствие здесь кого-то из живых людей, много значил для него.

Не спеша, на полусогнутых, он двинулся в обход холма, вдоль левого склона. Сделал несколько шагов, замер, вслушался. Зона притворялась тихой и безмятежной, но уж он-то знал: это мнимое спокойствие обманчиво, и что-то определенно не так. Несмотря на нарастающее беспокойство, сталкер таки пополз вперед по омертвелому лугу. Вовремя распознал и обогнул «центрифугу», ифэпэшку, характерно обозначающую себя запахом озона и мечущимися по кругу снежинками. Далее прокрадывающийся человек напоролся на препятствие. Путь преграждало поваленное, пока не высохшее дерево – видимо, последствие одного из прошлых недавних Захватов.

За счет того, что ствол как бы опирался на ветви кроны и вывороченные корни, высота помехи была около полутора метров. Перелезть ее затруднений не вызовет, но шум будет слышен, а подобной демаскировки допускать нельзя. Посему пришлось снова красться в обход, по направлению к ранее примеченному трактору.

Внезапно у самого лица сталкера что-то промелькнуло.

Он не столько увидел, сколько ощутил движение. Бродяга приник к земле и шепотом матюгнулся. Единственным посланием недружелюбные отправители не ограничились, сверху на лежащего человека что-то посыпалось... Иглометы! Он стремительно откатился вбок, вскочил и припустил без оглядки. С наскоку перемахнул горизонтальный ствол и очутился по ту сторону павшего дерева. С невольным ознобом беглец ощутил, что несколько иголок все же ударились в спину...

Насколько он помнил, атаковавшие его мутанты формой походили на миндальный орех, а размерами были приблизительно с баскетбольный мяч. Благодаря тусклому неприметному окрасу захорониться эти твари могли почти везде, а уж в растительных зарослях и подавно. Ночью обнаружить таких гадов, особенно если они замаскируются как следует, практически нереально. А уж если вдобавок человек ухитрился очутиться с ними почти вплотную... Короче, вероятность справиться с выводком монстров невысока. И бородатому сталкеру подфартило, что удалось вовремя ретироваться. И в том, что спинные фрагменты «Муромца» отразили все уколы ядовитых иголок. Во всяком случае, оставалось надеяться, что все...

А по другую сторону поваленного дерева его, как назло, подстерегала другая напасть.

Бродяга моментально среагировал, перекрестными очередями своих «Ястребов» встретив метнувшийся к нему громоздкий силуэт, напоминавший гориллу. Пули наверняка задели существо, однако оно продолжало мчаться на человека, проигнорировав огнестрельное прикрытие. Смазанные, стремительно-размашистые движения, два глаза-уголька бордового оттенка и – длинный тонкий нос! Точь-в-точь как у деревянного человечка из классической сказки.

Человек резко ушел с линии атаки, кувыркнувшись в сторону. Вообще неудобно это было – проделывать такие трюки, можно сказать, в полной выкладке, с тяжелым стволом в руках... Как нарочно, он приложился затылком о совсем некстати подвернувшуюся выпуклость почвы. Хотя ему оставалось возрадоваться, что вообще своевременно удалось выполнить финт ухода и приземлиться в обычный снег, а не в локальную абнормаль.

Все случилось за считанные секунды после попадания на эту часть луга. Разумеется, протестировать пространство поблизости он не успел, и сбоку с равной долей вероятности мог поджидать и нормальный участок, и убийственное ИФП...

Суперносащий, но при этом безухий мутант по инерции проскочил туда, где человека уже не было, а затем с завидной скоростью скорректировал курс и вновь рванул к бродяге, не успевшему опомниться. Безоглядно, сломя голову он шел на таран. Монстр жаждал нанизать жертву на свой длинный острый нос, как рыцарь на копье. Дистанция неизбежно сокращалась, сталкер опустошил магазины, пули раздирали плоть твари, но та не прекращала неотвратимое наступление.

Можно было бы перезарядиться, еще оставалось время, но пока человек менял бы магазины, это самое время все и вышло б... Да и какой смысл, если столько пуль не причинили врагу фатального вреда, глупо уповать на то, что последующие причинят. Оставалось сменить пистолеты-пулеметы на «Тур» в надежде, что выстрелы из него все же остановят живучего гада.

А что еще делать? Начать отползать – мутант прыгнет на спину. Он двигался быстрее человека, и даже если бы сталкер ухитрился успеть вскочить на ноги, никаких преимуществ это не давало. Разве что мизерный шанс рвануть к трактору, но дорога к нему наверняка усеяна абнормальными ловушками, а если даже и нет, укрытие из ржавой прогнившей железяки – так себе.

Нет уж, лучше встретить смерть лицом к лицу, решил человек... Перебор вариантов пронесся в его голове за секунду, а уже в следующую он двумя молниеносными движениями рук сменил оружие и выставил «Тур», готовясь разрядить одновременно оба ствола, когда враг преодолеет последние метры, разделявшие их...

А в третью секунду случилась полнейшая неожиданность, отменившая столкновение и смерть. В бегущего монстра шмякнулось что-то круглое, и жажнул взрыв, и ночь озарилась ослепительной вспышкой... Куски плоти разлетелись во все стороны, и только чудом ни один из них не попал в сталкера. А брызги крови, от которых не увернуться при всем желании, потом и смыть можно.

Что ж, повторное посвящение в бродяги Трота можно было считать состоявшимся.

Еще через пару секунд из снежной мглы материализовался некто в волчьей меховой парке с капюшоном.

– Нормальными патронами и гранатами этих уродов Трота не возьмешь, таких надо в ключья разносить, иначе никак, – объяснил неизвестный причину неудачи сталкера.

– Не встречал такой херни раньше, – буркнул сталкер. – Все, думал, хана... Чем ты его бомбанул?

Внезапный спаситель выглядел впечатляюще. Большущий, головы на полторы выше спасенного. Пудовые кулачищи, мощная комплекция. За плечами здоровенный рюкзакище и тяжелая крупнокалиберная винтовка. Если бронекомплект и есть, то спрятан под мохнатой курткой. Лицо скрыто под маской со встроенным ПНВ.

– Каракурт, – представился он глухим басом из-под маски и протянул открытую ладонь. – Можно коротко. Курт.

Спасенный ответил рукопожатием, но имя свое не назвал.

– «Газировкой» я его. Если не знаешь, это такая мутотень, получилась из облученного Зоной уксуса. Капля как полкило тротила... Я гляжу, тебя иглозадые с тыла наштиговали. – Он снова поднял руку и выдернул колючку, на излете застрявшую в рюкзаке сталкера.

– Было дело, – проворчал спасенный.

– А я топаю себе по полю, и тут на меня супостаты мутные поперли. Я парочку завалил и притаился покуда. А тут гляжу, буратинка на кого-то попер...

– Буратинка? Хм-м... Ну да, вылитый.

– Короче, времени в обрез. Я смекаю, ты вниз наострился прямым ходом. Нам по пути.

– Предлагаешь двинуть вместе? – переспросил спасенный.

Вместо ответа большой бродяга махнул рукой, тронулся с места и отправился в путь. Прямо на юг, нужным курсом. Но не в обход одинокого холма, а к его склону.

Несостоявшийся ужин буратинки пристроился в кильватере.

– Чует моя жопа, – на ходу разъяснил большой, – к носатому вот-вот кореша подспеют. Эти твари поодиночке не охотятся, только группами. Сородичи его сейчас шастают где-нибудь в этой траве, поэтому сваливаем быстро, пока не поздно. Лезем на горку.

– До подъема шагов пятьдесят осталось, – обеспокоился меньший. – Рванем?

– Хорошо ориентируешься, – похвалил Каракурт.

И они рванули. Не бегом, конечно. Но так, как только можно было ускоренно передвигаться ночью по незнакомой пересеченной местности, хотя бы поверхностно инспектируя среду на наличие опасных участков ИФП.

Добрались успешно. То ли у обоих не давало сбоев чутье, то ли им во всю ширь улыбалась удача...

Когда они достигли склона, Каракурт дышал равномерно, а в дыхании спасенного им бродяги появилась отдышка. Сказывалось отсутствие каждодневных физических нагрузок. Никакие спортивные упражнения внешнего мира не заменят напряжения всех сил, необходимого в Зоне для того, чтобы увидеть следующий рассвет.

– Патроны? – осведомился большой.

– Уф-ф-ф... Не особенно, – шумно выдохнув, ответил его новый напарник. – От толпы отбиться точно не хватит.

– В один ствол не справлюсь. Из «вторички» у меня только пистолет, да от него толку мало.

Из мглы к ним уже приближались три пары багровых огоньков. Каракурт одну за одной выпустил из подствольника своей винтовки две гранаты, целясь в сторону тварей. И стартанул вверх по крутому склону.

Меньший из бродяг припустил за ним следом. Сбоку скакнула какая-то шустрая дрянь, Каракурт подстрелил ее в прыжке.

Его ведомый оступился и опрокинулся, почва ушла у него из-под ног. Момент – и вот он уже в свободном падении. Если бы не своевременно схватившая его за шкирку рука большого, покатылся бы ему кубарем обратно со склона... Ничего удивительного, на такой крутизне и в теплый сезон шею можно свернуть, а уж сейчас, когда скользкий снег покрыл землю, и подавно.

Дальше он соблюдал предельную осторожность, хотя не медлил ни секунды.

С правого фланга наперерез сталкерам ринулись очередные мутанты. Каракурт восходил в авангарде, поэтому пришлось подключиться второму. Он всадил дробовой заряд в первую тварь, затем нащиповал другую. Выстрел, выстрел, выстрел – снег покрывался кровавыми пятнами и устилался их телами.

Сразу несколько монстров попытались наскочить с разных сторон – ведомый расстрелял весь боезапас верхнего ствола, метнул светозвуковухи и кое-как умудрился вырваться из окружения. Каракурт выше по склону клал мутантов из своей мощной пушки, прокладывая себе и ему путь к вершине.

И когда они уже почти выбрались наверх, неожиданно твердь под ногами дрогнула и заходила ходуном. Сталкеров чуть было не сбilo с ног. Толчки повторялись – мощнее, ошутимее. Взъярился ветер, заполошно засуетился снег.

– Захват, сука! – крикнул Каракурт.

– Во попали, – только и сказал его меньший напарник.

– За мной!

Большой в несколько отчаянных прыжков преодолел остаток расстояния до верха холма и скрылся за гребнем.

Когда начинается Захват, пока он не раскочегарился по полной, единственный шанс на спасение – это найти какую-то нору и забиться в нее, чтобы не смог оттуда выковырять неумолимый «биомагнит», стремящийся утянуть в эпицентр все живое.

Пароксизмам, сопровождавшим припадки самоуглубления Трота, по-прежнему сопутствовала экспроприация образчиков земной жизни.

2. Новое имя

Российскую Зону штормило, колбасило, барабанило, раздувало и трясло. Толчки следовали неритмичной чередой, двое людей отчаянно балансировали, пытались устоять на ногах и не скатиться по склону, подвергая серьезному испытанию свои вестибулярные аппараты. Живые деревья и кусты уже начали клониться к сердцу Трота, глубокой «тарелке» пятого круга. Их тянула в ту сторону незримая сила.

Люди тоже ощущали тягу, влекущую на юг против воли; упорно ей сопротивлялись, пытались двигаться пусть и в том же направлении, но по собственному маршруту. Им повезло, они находились пока что неподалеку от внешней границы первого круга Трота, и ураганные силы ярились здесь далеко не в полную силу. Настоящий хаос сейчас творился в глубинных кругах, там, куда еще только предстояло добраться...

Колебания учащались и прибавляли в мощи. Каракурт спускался по южному склону холма, как только мог быстро, и ведомый следовал его примеру. Сверхъестественное действие стремилось к своей пиковой точке, и нужно было поднажать, чтобы успеть спрятаться.

Картина окружающей природы лишилась целостности, превратившись в ошеломительную ирреалию: тут и там ломались деревья, запыленно свертывались снежные вихри, кое-где вздымалась земля, будто подкинута незримыми лопатами. Трот вертело и выжимало, как в барабане центрифуги, и неуклонно вворачивало туда, в осевой стержень. Разномастные экземпляры зонной фауны – черепоколы, иглометы, бурундуки, валеты, мутасвины и прочие, и прочие – металась в поиске спасения. Все живое носилось среди снежных вихрей, пытались хоть где-нибудь спрятаться, скрыться, зацепиться, отгородиться от всемогущей, всепоглощающей силищи, захватывающей и стягивающей осколки всея сущего в ненасытную пасть жуткого эпицентра...

Не было никакого смысла как-то отбиваться от ошалевшего зверья, пытаться хоть немного сдержать мутантов, снующих вокруг пары людей. Тем было просто не до них. Никому сейчас ни до кого не было дела, каждая тварь боролась за собственную шкуру. И это здесь, почти у края Трота! Что там творится в третьем и особенно в четвертом круге, не стоило и экстраполировать.

Поисковый забег оказался взаправду мучительно-нескончаемым, грудь рвало, долбило изнутри огненной кувалдой. Стало жарко, очень жарко. Ирреалия окружающего тянулась резинной, перекручивалась, пропадала... Они не останавливались, упорно поддерживая предельный темп. Ведомый стремился за ведущим, иного выхода не имея, кроме как довериться тому. Через невыносимые, тяжкие муки, обессиленный, домчался... Сбавил темп.

Склон кончился, они опять попали на поле. И здесь Каракурт почти сразу нашел убежище. Он без видимого усилия отодвинул железный люк, нырнул в отворившийся проем и потянул ведомого за собой... в канализационный колодец!

Меньший не прыгнул, он свалился обессиленно в спасительное отверстие колодца, провалился мимо Каракурта. Тот задержался, чтобы задвинуть крышку, отрезая их от верхнего мира, и, когда задвинул, бесцеремонно пнул ведомого ногой, пропихивая по колодцу ниже, ниже...

Они уже спустились во мрак горизонтального тоннеля, когда грянул наконец собственно Захват, и там, наверху, обезумело все материальное и не совсем, интегрировалось, слилось, выплеснулось... Взвыли яростно твари, бьющиеся о крышку люка, и улетели, увлекаемые всемогущей волной притяжения туда, в кошмарные глубины Неизвестного...

Кто не спрятался, сам виноват!!

А схоронившихся внизу людей накрыло, расплющило ментально. Ведомый скорчился на оклидном полу. Что происходило с Каракуртом, он не знал. Виски и носовые пазухи, казалось,

вот-вот должны были лопнуть от невыносимого давления, изнеможенное тело нашло остатки сил, чтобы напрячься... Откуда-то изнутри рвались спазмы, съеденная галета вперемешку с желчью стремилась наружу, из ушей и носа потекли струи крови...

– А-а-а!!! – сквозь кровь прорвался крик Каракурта, бьющегося в корчах где-то поблизости, а может, на другом краю вселенной. – А-а-ар-гх! Не могу-у-у...

Зазвенело тягуче тысячей металлических пластин в барабанных перепонках, перевернулось пространство, и новопришедшего в Трот бродягу наконец вырвало, буквально вывернуло наизнанку. Не в силах сдерживать рвущееся на свободу прогорклое содержимое желудка, он сдался, затем обмяк и провалился в небытие.

* * *

Он вернулся в реальность и удивился, что все еще дышит. Но муки закончились, это факт. Следующей мыслью была здравая, что надо бы удалить с лица подсохшую кровь. Однако идея тотчас растворилась в хлынувшем море действительно насущных проблем.

Поодаль от него, дальше вдоль стены, сидел здоровяк Курт.

– Жив? – спросил большой.

– Не дождуся! – жизнеутверждающе ответил он.

Да, настроение воцарилось эйфорическое – успели!

– Не хреново покуролесило, – резюмировал Курт, хохотнул. – Ха-ха! – И посоветовал: – Расслабься, чувак. – Он выудил откуда-то из-за пазухи куртки плоский пенал, распахнул и добыл изнутри штуковину, формой напоминающую небольшой изогнутый огурец; лизнул его, причмокнул, затем еще раз лизнул, словно мороженое, и спросил: – Будешь?

– Это еще что за фигня? – подозрительно спросил ведомый.

– Бродяги прозвали «смешинка». С полгода как появилась, прикольная... Вставляет от нее конкретно, мне в первый раз летающие небоскребы примерещились. Попробуй. Потом уже глюки не такие сильные, но главное, от нервов по-прежнему помогает. Типа как успокоительное. Восстанавливает внутреннее равновесие, епта...

– Не балуюсь таким, – отказался ведомый.

– Ну, твое дело... А здорово мы драпанули! Давненько так люто не было. – Большой снова лизнул свой успокоительный зонтик и предложил: – Ну, теперь рассказывай, откуда ж ты такой свалился. С одной стороны, сразу ясно, что не первоход, а с другой – вдруг лажаешь, как зеленый новичок...

– Я вернулся, – ответил спасенный.

– Откуда? – не понял Курт.

– Уходил во внешний мир, – последовало разъяснение, – а теперь вот обратно...

Сначала Каракурт никак не отреагировал на полученную информацию, но спустя долгую паузу до него дошло, о каком именно мире шла речь.

– Ага, ага! – саркастически произнес большой бродяга. – Ты, часом, не попутал вектор, мужик? Чё за туфта? Ни одного! Слышь! За восемь лет, прошедших после зачистки эпицентра и закрытия Зоны, я не встречал ни одного чела, который утверждал бы, что он уходил в нормальный мир, просочившись наружу через внешнюю границу, а потом вернулся. Как оно там было в старые времена, не знаю, но теперь Зону не покида...

– Откуда ж тогда, по-твоему, я взялся? – перебил ведомый. – Ты очень кстати вспомнил... м-м-м... старые времена. Восемь лет – это меньше десятой части времени существования Трота. Когда я пришел сюда в первый раз, совсем пацан был, а сейчас, видишь... Теперь я здесь, считай, новичок. Можно сказать, раньше топтал совсем другую Зону и с нынешними раскладами мало знаком. В то время, знаешь ли, выход и вход – не проблема, хоть по лицензии, хоть дикарем. Зато были другие пробле...

– И какого черта ты вернулся?! – с неподдельным интересом спросил большой. – Раз уж отпустила тебя Зона, на кой...

– Потому же, почему и ушел, – отрезал вернувшийся.

– Ясно, братан. Надеюсь, твоя новая походка будет удачной.

Неопределенный ответ Каракурта, может быть, и не устроил, но силком в душу лезть он не стал. Сталкер сталкеру сам расскажет, если захочет. Ключевое слово – «захочет». Есть у людей Трота неписанные правила, которые не теряют своей актуальности в любые времена.

Двух бродяг смертельная угроза засунула в тоннель древнего канализационного коллектора – вполне возможно, что одиноко стоящий холм теперь скрывал в своих недрах целый поселок! – и единственное, что им оставалось, пережить Захват во мраке вонючей осклизлой трубы.

– Слушай, Курт, – сказал новоприбывший, – я в натуре отстал от здешней жизни. Эти... там, на Периметре, не только блокировали свободный доступ, намертво перекрыв границу, но еще и как-то ухитряются закупорить все дырки, через которые наружу может просачиваться информация. Никаких вестей из Зоны! Как будто и нет ее больше. Веришь, мне до сих пор... э-э-э... слабо верится, что я пробрался и сейчас в первом круге... Уму непредставимо! Я опять в Троте, и...

– Погодь! – перебил Курт. – Ты чего сказал? Никаких вестей из Зоны?

– Не просто вестей. Похоже, специально создан информационный вакуум. Я просто в шоке был, когда погрузился в тему... Люди словно забыли о том, что здесь, посреди страны, находится Зона. Куда-то делись все те книжки про сталкеров... Помнишь, были такие?.. Я в детстве зачитывался. Ни фильмов, ни игр на эту тематику. После зачистки и нового закрытия все это будто кануло. Постепенно у всех просто выветривается из памяти Трот. Куча народу раньше сюда рвалась, а теперь почти все желающие куда-то запропастились... Чтобы увидеть отчужденку изнутри, разве что в армию служить надо пойти или в...

– Да уж, чувак, не порадовал ты меня... Я б даже сказал, категорически огорчил. Я тут давно, ветеран, считай, десятый год хожу себе, хабар ищу, от монстров отбиваюсь, абнормалки как-то чую и обхожу сторонкой, короче, Зона мне давно как родная. Большая часть срока уже после зачистки эпицентра прошла... Так вот, сразу после бомбануло тогда не по-детски, ни до, ни потом так не хреначило... Трот проваливался со страшной силой. Очень туго нам тогда пришлось, много народу полегло, мда-а... вспомню и вздрогну. Теперь, по сравнению с прежними временами, бредунов-то раз-два и обчелся...

– Бредунов?..

– Да, чувак. Мы уже давно сталкерами себя не зовем. Наружу хрен выберешься, внутрь попадают единицы... Бредуны и есть, прямо как при Союзе когда-то. В бреду живем, в бреду бродим...

– Я не в теме, гораздо раньше закрытия свалил... Не могу себя назвать таким уж ветераном, но старой Зоны за пять лет успел понюхать вдосталь. Еще до того, как уйти пришлось...

– Короче, когда в эпицентре и вокруг разгорелось, наши, кто выжил, не высывались. Все боялись, что же после всего будет... И не зря боялись. Зона ж не простила полномасштабную заваруху на своей территории. Полное закрытие случилось уже позже, и я так смекаю, что не планировалось оно. Вынужденно заперли, когда мутная нечисть толпами повалила наружу...

– Но как же Вал? Его ж для того и строили...

– А что Вал? Это ж Зона, братан! Как-то ведь выродки сквозь него и через него прорывались... Помню, говорили, что в некоторых местах прямо на бетоне ростки какие-то появлялись, и буквально за пару часов целые куски махины разрушались... Но потом волну нашего все-таки сдержали, восстановили Периметр и закупорили Трот. Уж не ведаю, какими способами и кто именно сумел... А вот после этого у нас и начались деньки тяжкие, врагу не

пожелаешь! Все контакты с внешним миром перерублены, прикинь, никаких поставок оружия, продовольствия и всякого другого добра с Большой земли. Голодуха была просто жуть, тогда в прямом смысле удушить или зарезать за лишний патрон не считалось зазорным.

– Суро-ово, – протянул внимательный слушатель.

– А то! Многие кореша мои тогдашние ссучились, сейчас про них не знаю ничего, почти никого не встретил после... Потом уцелевшие как-то начали в новые кланы сбиваться, выживать вместе, порядки держать, остатки ресурсов экономить и распределять... Даже производство боеприпасов налаживали. Поначалу, правда, криво оно продвигалось, но потом наловчились умельцы... С пищей труднее всего было, мда-а... Некоторые мужики до того на стену лезли, что мутняков убитых зажаривали и жрали. Про каннибалов, помню, слухи ходили... Сталкерш осталось совсем чуть, кого не затражали насмерть, те погибли сами... Затем попустило, появились каналы связи с Большой землей, пошли извне поставки... А иначе-то как? На Периметре тоже люди служат, кто откажется от прибавки к жалованью.

– Да уж, не привыкать нашему народу законы дурить...

– Точняк, брат! А как иначе выживать-то? Высокое начальство далеко, а закон что дышло, на местах поворачивай куда хошь...

– Растолкуй, вояки что, отключают заградительную систему на каких-то участках? Старые блокпосты вроде законсервированные все...

– Не-е! Я так понял, систему как раз контролируют напрямую сверху. Чтоб через нее груз какой провезти, каждый раз специальное разрешение испрашивается у самой столицы... Так что по воздуху переправляют. Очень трудоемко, правда, но что поделаешь. Дельтапланы, беспилотники разных модификаций используют. Как-то научились их настраивать, чтоб датчики не засекали. Главное, чтоб никого живого... Сам понимаешь, дефицит теперь у нас на все. Обходимся, конечно, без роскоши типа гаджетов, терминалов-коммуникаторов и всего такого... И само собой, ни одна душа не выбралась обратно из Трота после зачистки, нашествия и закрытия. Во всяком случае, я о таких не знаю. Мы все стали заложниками. Чего только не пробовали мужики, нету лазеек, все перекрыто, замуровано. Живым не выбраться. Снаружи иногда приходит пополнение, вот как ты, а дембель никому из бредунов не светит... Бессрочная, короче.

– Нда-а... Жопа.

– Аналогичная мысль, чувак. Так ты говоришь, снаружи, значит, для обычного человека мы все как бы и не существуем уже?..

– Ну, кто-то помнит. Иначе бы пополнения не было совсем... Но да, нормальным людям по фигу Зона и по фигу внеземное. Там народу с земным бы хоть как-то разобраться...

Они замолчали. Каждый задумался о своем.

Затем новоприбывший зашевелился и поискал что-то в своем рюкзаке. Спросил:

– У тебя попить найдется? Моя вода замерзла.

– На! – Каракурт протянул ему флягу.

Новоприбывший откупорил емкость и глотнул из нее. Поперхнулся и закашлялся.

– Предупреждать же на-адо... – выдохнул он, прокашлявшись.

– А вдруг ты отказался бы? – Большой хохотнул. – Ха-ха, трезвенник! Классное пойло...

– В этом самогоне градусов восемьдесят!

– Если бы. Шестьдесят максимум... И таки еще раз рекомендую «смешинку». Эффект лучше, чем от бухла.

– И еще раз спасибо, нет. – Ведомый протянул флягу обратно владельцу и проворчал: – Радуйся, что не выронил.

– Ты хоть и трезвенник, но не самоубийца же, ха-ха-ха!

– Ладно, ладно, проехали. – Судя по тону, новоприбывший улыбался. – Вот еще что хотел спросить... Я в северных секторах Трота не был, не довелось, но уверен, что где-то не

очень далеко продолжает функционировать постоянный сталкерский лагерь. Рискну предположить, что такие по-прежнему существуют как символы непоколебимости в этих бранных сюрреалиях.

– Точно. Недалеко тут... Километра полтора к юго-западу. Но если ты туда хотел, нам не по пути... мне там делать нечего. Я пересажу, и завтра утром меня тут быть не должно. Я вообще птица залетная в этом секторе, повезло тебе со мной пересечься. Поручение выполняю. Так сказать, в качестве курьера. Ладно, давай спать...

– Хорошо. Спасибо тебе за все. Я так понимаю, мне с тобой нельзя.

– Да, обычно я хожу сам. Терять напарников бывает трудней, чем...

– Я понял. По себе знаю.

И они оба замолкли, сообразив, что эту тему развивать не стоит. У каждого бродяги, достаточно долго ходившего в Зоне, в прошлом остается как минимум один утраченный напарник. Не просто попутчик, а тот, кому можно было доверить прикрывать свою спину.

– Кстати, ты не сказал, как тебя звали, – нарушил наконец тягостное молчание большой бредун в меховой парке с капюшоном. – Было ж у тебя какое-то зонное имя раньше...

– Что было в прошлом, пусть там и останется, – ответил вернувшийся. – А давай ты меня назовешь по-новому, брат? – попросил он. – Ты ж меня спас... Породил, можно сказать. Так что у меня сегодня ночь рождения.

– И он еще забухать отказался, святой наш трезвенник, ха-ха! – Веселый Каракурт хохотнул и опять достал свою флягу. – Какой повод! Да мне сама Зона велит выпить за здоровье новорожденного...

Большой шумно глотнул из фляги, чувствуя новое пополнение, спасенное им для трудной судьбы зонного сталке... то есть бредуна.

– Ну, с возвращением... – Спаситель выдержал длинную паузу, обдумывая возможности, и наконец-то нарек: – Реверс! Ёлы-палы, только не спрашивай почему.

– Так тому и быть! – воскликнул рожденный в эту секунду бредун по прозвищу Реверс.

– Я хотел тебя сначала Иглой прозвать, из-за той иголки, что вынул, а можно Свят или Ангел, святой ты наш...

– Воистину правду говорят, от судьбы не уйдешь, как ни старайся, – загадочно прокомментировал Реверс. – Не такой уж я трезвенник и святоша, как могло померещиться, просто в рейдах расслабляться себе дороже, насколько помнится... А теперь спокойной ночи! – пожелал он своему большому «папе». – Пока тебя с перебором вариантов совсем не унесло в небеса...

– И удачи!.. – ответил ему «крестный отец» поневоле.

3. Новые встречи

Утром, когда Реверс проснулся, Каракурт уже ушел своей дорогой.

Новоиспеченный бредун, оставшийся в одиночестве, тоже выбрался из колодца.

Снаружи в свете белого дня мир искрился чистым снегом, особенно контрастным по сравнению с мрачной вонючей дырой коллектора. Везде царило сакральное безмолвие, ни шелеста, ни дуновения.

Реверс отправился в путь, на ходу по крупицам восстанавливая опыт передвижения с проверкой местности на предмет ловушек. Ни в коем случае не зевать и не расслабляться. Это Зона, в ней любой зевок может стать последним, что случится в жизни.

Морозец исправно бодрил, видимость была на удивление, самое то. Так он и добрался до поселка – беспрепятственно, не столкнувшись по пути ни с серьезными ИФП, ни с алчущими крови монстрами. И вот она, деревня Кисловка... Когда-то покинутая жителями, заброшенная, а затем опять обжитая – уже новыми обитателями Зоны, сталкерами. Теперь называющими себя бредунами.

На входе в лагерь обнаружили двое постовых. Реверс поднял руки, показывая мирный характер своих намерений, и медленно приблизился, готовый к диалогу.

Наблюдательность он не утратил, к счастью, и сделал кое-какие выводы из реакции Каракурта на его сообщение о том, что когда-то ушел из Зоны, а сейчас вернулся из-за Периметра. Поэтому, пока добирался до лагеря по устаревшей, еще времен открытости карте, новоиспеченный бредун сочинил себе вменяемую легенду. Конечно, здесь не та публика, которая станет сыпать назойливыми расспросами... по крайней мере раньше Реверсу так казалось.

Сейчас же он поставил себе текущую задачу внедриться в сплоченный коллектив, где каждый друг друга знает. У соло, предпочитающих одиночные рейды, все же гораздо меньше шансов бродить долго и успешно. И задача пусть не сразу, но решалась, он постепенно влиялся. Сначала, понятное дело, необходимо было перезнакомиться со всеми. Постовые и стали первыми, кому он назвал свое новое имя и заверил, что раньше бродил в южных и восточных секторах, а теперь вот решил наведаться к северным коллегам.

Он задвигал историю про крутого бродягу-одиночку, который решил проверить на достоверность ворох баек об эпицентре и двинул в ходку к пятому кругу. Правда, в пятый так и не добрался, на мостике, переброшенном через Бездну, не постоял. Дальше четвертого извилистая тропа не завела, зато вдоволь наштался, настранствовался по Зоне и теперь вот, продолжая ходку по северу, завернул в Кисловку. Ему поверили. Фактически все, кто оставался в Зоне до сих пор, были опытными бойцами, ветеранами, лучшими из лучших. Другие уже давно отдали Зоне душу, а из новоприбывших выживут только те, кто способен стать крутым. Единицы.

Незнание каких-то локальных реалий вполне можно было списать именно на то, что раньше не добирался в северный сегмент Трота. А возможного появления в лагере еще одного «южанина», настоящего, способного уличить во лжи, опасаться не стоило в любом случае. Хотя людей в отчужденке теперь обитало намного меньше, и, по идее, всем должно бы знать всех, вопрос «земляка», кого бредун Реверс может назвать из «живущих на южном районе», угрозы не представлял.

Как минимум по той причине, что Реверс не собирался весь остаток жизни, сколько бы там ему судьбой ни судилось, ночевать в одной из кисловских руин и делать привалы в спортзале ДК, сменившим масть на сталкерский бар.

Можно было, конечно, сказать правду, точнее, половину правды. Что он только вчера был переправлен из-за Периметра. Но статус новичка его не устраивал по многим причинам, к тому же ну их на фиг, сложности объяснения, где это первоход наблатыкался столь уверенно

ходить по Зоне. Привлечение же к себе лишнего внимания фактом состоявшегося возврата в отчужденку спустя годы уж точно не входило в его планы.

Мало ли, почему бродягу прозвали Реверсом, может, он был фанатом незабываемого народом Шварценеггера там, на Большой земле, и часто употреблял в речи легендарное «I'll be back»; достал многократным повторением южных сталкеров, и те припечатали звучным имечком...

Приступив к выполнению задуманного, Реверс о том о сем толковал с возвращавшимися из поисковых рейдов ветеранами, ненавязчиво разузнавая подробности нынешней обстановки и разных движей в абнормальных землях. За несколько суток он перезнакомился со всем контингентом поселка и почти с каждым из местных перемолвился хотя бы словечком.

Пришлый южанин старался производить впечатление мужичка не мрачного и щедрого, насколько у него это получалось. Ночевки он себе организовал в одном из пустых домов, точнее, в одной из полуруин, еще устоявших под ударами времени и погоды. Какая-никакая защита от ветра и снега, чем не дом!

Как-то он в очередной раз посетил средоточие жизненных потоков лагеря, то есть завалился в нечто, расположенное в спортзале бывшего сельского ДК, относительно неплохо уцелевшем, по традиции гордо поименованное «БАР»; там подсел за столик к самой шумной в помещении компании и опрокинул в себя первую попавшуюся рюмку.

Расчет оправдался, его наглое поведение стало поводом для стычки. Один из старожиллов – высокий и худющий, этакий жердьяй, испускающий ядреные запахи неочищенного алкоголя и самосадного табака, – возжаждал поставить Реверсу фонарь под глазом. И пошло-поехало... Хотя в итоге инцидент все равно завершился дружеской попойкой и обнимашками в полунемняемом состоянии. Потом кто-то выдал замечательную идею залить «табуретовку» настоящим пойлом из большого мира... У бармена в меню имелась заводская водка, бутылка которой стоила как среднего размера зонник «жемчужина», но так как бредуны в этой группе за последние дни нарыли богатый хабар... В общем, выпить водовки для них не проблема. Распределили роскошь «Московскую» в пластиковые стаканчики, вплеснули в себя. И нового кореша не обделили...

Так Реверс влился в удачливую компанию.

Вскоре подоспевший Новый год «кисловцы» отпраздновали не менее размахисто. В баре нарядили небольшую искусственную елку, выцветшую, поблекшую, но ухитрившуюся сохраниться в целостности за хрен знает сколько лет, прошедших с тех пор, когда здесь обитали настоящие кисловцы. Повесили зонники на веревочках, всякие брюлики, хреновинки и несколько найденных по ходу и принесенных разными бродягами пластмассовых игрушек, набросали мишуру, кем-то сымпровизированную из фольги и бумаги.

Поставили музыку на доисторическом блюэрэй-проигрывателе – в наличии имелся единственный работающий диск, самого высокого качества, другие не сохранились. Лицензионный альбом группы «ДДТ».

Реверсу название было знакомо очень смутно, что-то из раннего детства. Сейчас на Большой земле в моде были совсем другие исполнители, мотивы, жанры музыки. А здесь, в Троте, все будто законсервировалось, отодвинулось лет как минимум на пятнадцать назад во времени. Музыка эта вот – на все пятьдесят. Будто реальность теперь вырисовывало чье-то ностальгирующее воображение.

Но отвлеченные мысли быстро выветрились из головы, когда Реверс начал общаться с собравшимся сталкерским «бомондом». Коллеги в натуре практически не использовали уже слово «сталкер», но ему пока что трудно было совсем изгнать термин из оперативной памяти.

За счет заведения были выставлены бутерброды с икрой (хлеб оказался настолько черствым, что норовил застрять в глотке, а икра была просто красной жижицей) и пивасик. Вроде бы доставленный в отчужденку из-за границы, но неизбежно выдохшийся. Остальное за свой

счет. Реверс принесенные с собой деньги не спешил тратить, потому не многое мог себе позволить, но все же за два дня до праздника «тряхнул стариной» и притащил из короткого рейда три зонника: «щуку», «картофан» и «бармалейчика». Хабар мог быть и побогаче, только вот новые артефакты, появившиеся в долгий период его отсутствия, он еще не изучил в подробностях. Это раньше можно было взять персональный терминал и просмотреть файлы. Теперь информация передавалась из уст в уста, как и положено в «диком поле». А значит, медленно и не систематизированно.

Что приятно удивило – в первом круге теперь можно было находить множество зонников. Когда-то во внешнем кольце их днем с огнем не сыскать было. Да и второй не особо радовал урожайностью. За настоящей добычей требовалось спускаться в третий и дальше – а это почти тридцать километров по горизонтали от границы, и полновесные километры в глубину, а не жалкие десятки метров, отделяющие первый круг от уровня окружающей территории внешнего мира.

Короче, хабар прямо под ногами валялся, да оно и понятно, добытчиков стало на порядок меньше. Зато и мутантов теперь поболее в первом круге наплодилось. Хотя к многолюдному лагерю они редко приближались. Пусть большое скопление людей в Зоне, даже в первом круге, встречалось куда реже, чем раньше, но монстры то ли помнили о былом могуществе самых активных обитателей Трота, то ли соображали по ходу, что у этих двуногих конкурентов есть очень опасные когти, разящие стальными клинками, и пасти, изрыгающие смертельный огонь.

Хорошо хоть локальных абнормалей намного больше не стало здесь. Сравнительно безопасно можно было передвигаться. Все-таки во внешнем круге чужеродное влияние по-прежнему не настолько сильное, как в более глубоких уровнях...

Старый год проводили и следующий намеревались встретить весело, насколько это возможно для празднования обреченных узников, загнанных в бессрочную отсидку.

* * *

Позже, в конечном итоге, сложилось так, что больше всех Реверс сблизился как раз с тем бредуном, который возжаждал вклепить ему фингал за сутки до Нового года. Тощего парня прозывали Графом. Он много шутил и много курил. Еще до новогодней ночи Граф пообещал брать Реверса с собой в ходки и показывать местные сектора. Так и сделали, но особо далеко не захаживали, в пределах первого круга. Чтобы идти дальше и глубже, требовалась более серьезная огневая мощь.

Начиная со спуска во второй круг, противостояние с Тротом переставало напоминать экстремальный туризм. А крутые стволы оценивались до фига и больше – после закрытия как человеческие, так и материальные ресурсы убывали, а не прибывали. Несмотря на пополнение и поставки.

Так вот, Граф и Реверс скорешились и время от времени действовали на пару. Хотя раньше Граф обычно ходил со своей сестрой или в составе большей группы.

Сестра Графа была единственной сталкершей этого поселка. Попала в Трот еще подростком, и Зона стала для нее родным домом. Выжила после нашествия, значит, не дура и не слабачка. Помимо живого ума девушка обладала превосходными качествами бойца и на удивление симпатичной для особы, обитающей в диких условиях, внешностью. За годы, проведенные в Зоне, она научилась слышать, видеть и чувствовать, мастерски умела обходить смертоносные ловушки, безжалостно отстреливала мутантов и устраняла конкурентов-людей, если придется. Она никак не ассоциировалась с образом матери-хранительницы очага. Позже, к концу зимы, когда Реверс получше узнал Касатку, то понял, что ее натуре подошли бы определения: женщина-странник, женщина-охотник, женщина-воин.

Недаром она получила характерное прозвище Касатка. Именно так, через «а». Для краткости – Кэс.

С точностью и холодностью морской хищницы она выбирала безопасную тропу между участками ИФП, разносила выстрелом башку десятому за день мутанту и употребляла слова немногочисленные, но четко отражающие настроение и суть. Волнистые от природы черные локоны дополнялись большими серыми глазами цвета пасмурного дня. Она вроде и не обладала изысканно-правильными чертами лица и большой грудью не могла похвастаться, бюст в пределах «двоек», а ноги мускулистые, не длинные и не особо стройные, и осиной талии нет, однако чем-то Касатка цепляла, привораживала взгляд. Даже не потому, что в Зоне женщин раз-два и обчелся. На Большой земле она тоже выделилась бы, словно источник излучения таинственной женской силы, которая делает женщину привлекательной для мужчин, даже несмотря на внешность, с первого взгляда не сногшибательно эффектную.

Поэтому в «акающем» произношении этого имени слышалась не только косатка, китубийца, самое быстрое водное млекопитающее на планете, но и ласковое русское слово – «каса-тик». Хотя оно вообще-то относилось к мальчикам, молодым мужчинам, но тем более кстати. Вести себя традиционно по-женски на территории Зоны – смерти подобно...

Разумеется, в силу вполне понятных причин девушка неоднократно становилась объектом домогательств со стороны мужчин, как относящих себя к постоянному населению лагеря, так и прохожих бродяг. А так как мужчины теперь являлись в Троте не просто подавляющим, а абсолютным большинством, то проблемы возникали постоянно. Однако ее уберегали два фактора. Во-первых, она умела сама постоять за себя. Мыслила и оценивала стремительно, решая, дать или не дать, и если отказывала, то безоговорочно, а на насилие отвечала насилием. Во-вторых, не раз случалось, что адекватные сталкеры вступались за нее перед не очень умными или перебранными алкоголем-«дури»-химии собратьями.

За помощь защитники даже могли удостоиться женской благодарности; темперамент Кэс имела не как у старой девы, и никакие людские слабости, в том числе страстное желание плотских утех, были ей не чужды... Вот вероломство и грубость в свой адрес она пресекала жестко. В целом здешние мужчины все же не превратились в стаю одичавших животных. Случись это, девушку давно бы сделали общей наложницей, и еженощное пускание по кругу стало бы для нее основным занятием.

Если бы она терпела такое, что вряд ли. Скорей всего убила бы себя, прихватив на тот свет кого удастся из насильников. Напарник-брат в одиночку против толпы не сумел бы помочь и защитить.

Однако девушка оставалась живехонькой и пользовалась заслуженным авторитетом.

Реверс с самого начала привлек внимание Касатки. Главным образом тем, что... сам он к ней никакого мужского интереса не проявлял. То есть познакомился, дежурно улыбнулся, но никаких попыток флирта или опостылевших Кэс похабных намеков. Его действительно в первые сутки знакомства гораздо больше интересовал жилистый высоченный Граф, с которым они, подравшись для начала, потом как-то так быстро и охотно покорешились.

Но в следующую, новогоднюю ночь, стоило ему перевести острие внимания с брата на сестру, и Реверс как-то так, тоже сразу, попал в капкан там, где не ожидал.

Он почувствовал, что за прошедшие сутки стал ей... гм, интересен. Это осознание в сумме с принятым алкоголем могло снести крышу. Еще на Большой земле, так вышло в силу обстоятельств последних месяцев, он долго был лишен женского тепла и ласки. И в закрытом Троте, куда он себя добровольно заточил с целью выполнения не оконченной много лет назад миссии, для стопроцентного гетеросексуала регулярной половой жизни категорически не предвиделось.

И вот такой роскошный подарок Зоны... Молоденькая девушка, способная свести с ума любого самца, в мрачных смертоубийственных недрах аномальной реальности!

Невольно вспомнилась история любви в недрах Трота, не его, чужая история, которая тем не менее, по большому счету, вмешалась в его собственный жизненный путь и принудила к двум судьбоносным решениям: покинуть Зону когда-то и вернуться в нее сейчас.

Хотя в той истории все-таки первоочередным было нечто гораздо большее, чем обоюдное влечение мужчины и женщины.

Насколько он разобрался перед тем, как принять решение возвратиться. Более чем двадцать лет спустя. Эти два с лихвой десятилетия он тоже не по кабинетам и курортам прохлаждался, экстрима нахлебался досыта и повидал-пережил такое, что иным на десяток жизней хватило бы. Но вернуться в Трот еще несколько месяцев назад не помышлял. Пока случайно не узнал и не подтвердил то, о чем даже не подозревал в первый свой приход в отчужденку. Да и потом долгие годы лишь терялся в бесплодных догадках.

* * *

А тридцать первого декабря, накануне новогодней полуночи, толпа в лагере собралась максимально многочисленная, и все, кроме избранных жребием часовых, намеревались позволить себе расслабиться, чтобы оттянуться по-взрослому хоть раз в году. Сегодня никто, вообще никто не отлучался в ходки, и поголовно все бредуны ошивались в баре, а если кто не помещался, тот держался снаружи, поблизости.

Посреди толпы себе подобных, вспомнивших, что они еще люди, а не только устройства для добычи хабара, Реверсу все же было вначале как-то не по себе. Хотя часовых выделили достаточно, полной гарантии безопасности в Зоне нет и быть не может. Если вдруг монстрам захочется напасть, эта ночь запомнится надолго – как самый кровавый новогодний праздничек в истории Трота. В Зоне не стоит забывать, что, если ты пренебрег подстраховкой, надеясь, что какая-то хрень не случится, эта хрень с большой вероятностью случится. Именно потому, что слабая страховка.

Коллеги вливали в себя самогон, водку, пиво, как могли веселились в танцах, смолили «травку». Немногочисленные, но непременно в сложившейся ситуации геи жамкались по углам, посуда билась, неслабо принявший вместе с клиентами бармен хрипло, но громогласно, вскарабкавшись на стойку, возвещал: «Это все-о-о-о! Что оста-анется по-осле меня!..»

Больше сотни сталкеров собрались в бывшем ДК, и для теперешней Зоны, насколько уже понимал новоприбывший, это было великим сосредоточением. Да плюс часовые и те, кто за пределами бара празднует по разным причинам. Прямо-таки мегаполис образовался!..

Внезапно Реверс увидел ее в толпе. А толпа бурлила реально отвязанная, веселая и расторможенная, и между телами зачастую не оставалось и метра свободного пространства. И все же он разглядел ее... Взгляд девушки был затуманенным – наверняка поддалась соблазну и курнула, а может, лизнула эту... как там называл Каракурт огурец... Она держалась раскованно, не чета той напряженности, в которой находилась все прошедшие сутки, во всяком случае, те несколько раз, когда попадалась ему на глаза.

На празднике Касатка расслабилась, и когда уловила, что он на нее тарашится, то подмигнула сидевшему за столом Реверсу и активно протиснулась к нему сквозь толпу. Он порывисто встал и, сам того не ожидая от себя, решительно ухватил девушку за талию... и тотчас получил не убойный, но достаточно неприятный удар в пах. Застонав сквозь сцепленные зубы, он ухватился за уязвленное мужское достоинство, согнулся и просипел:

– З-за что-о... я ж потанцевать...

Она придержала Реверса за плечи, наклонилась, приблизила рот к его уху и сказала:

– Прости, рефлекс! – и помогла ему уместиться обратно на табуретку. Присела на корточки перед ним и широко улыбнулась.

– Даже не знаю, смогу ли, – ответил Реверс, не отнимая рук от паха; боли на самом деле особой не было, но острые девичьи груди, обозначившиеся под ткань курточки, и улыбающиеся губы в непосредственной близости от глаз вызвали начало совсем другой ответной реакции, потому стоило прикрываться и дальше. – Разве что если ты согласишься со мной бахнуть по пивку.

На самом деле, конечно, он умышленно не защитился от удара девушки. Реверс легко мог бы поставить блок, предусматривающий как минимум трещину коленной чашечки, – ему приходилось участвовать в стольких рукопашных схватках, и нередко с женщинами, что уж защиту от этого коварного приема он отточил. Впрочем, спасибо ей за новогодний подарок, ударом Касатка его наградила скорее профилактическим, не всерьез. Так, ударчиком. Хотела бы нанести настоящий вред – ударенный, корчась от боли, сейчас фиг бы вел приятную беседу.

А потом они выпили. И снова выпили, на брудершафт, хотя и без того не «выкали». И вкус ее губ оказался настолько ошеломительным, учитывая все сопутствующие обстоятельства, что уже никаких ладоней не хватило бы для прикрытия.

А вокруг них болтали, бухали, травили анекдоты и всячески веселились бредуны. Нежданная-негаданная, но такая неумолимо-влекущая Касатка, взяв Реверса за руку, потащила его в самую гущу людских масс. Мало-помалу он забылся в общем шуме, гаме, разгуле, потерялся в сплетении личностей, историй, песен. На фоне слитного ликования бредунов почувдился на миг бой курантов – и промелькнула ностальгическая печаль по уходящему году, по оставленной прошлой жизни, но тень сожаления тотчас сменила радость от воссоединения с Тротом, от того, что Реверс обрел всех этих людей. Все-таки и тогда, в первый раз, он же сюда попал не просто так! Хотел попасть!

Да, более чем не просто. Миновал месяц, второй, и каждый день Реверс убеждался в этом. За это время он прижился. Узнавал новые и новые детали, находил подходы к каждому обитателю Кисловки. Несколько десятков душ постоянно жили здесь – душ потерянных, канувших в Троте, растворившихся в чужеродной аномальности. Успел сделать вывод, что эти бредуны по сравнению со сталкерами оставшейся в прошлом открытой Зоны стали какими-то... более терпимыми друг к другу, что ли. Вероятно, «людоедские» времена научили выживших кое-чему – не порождать ненужные конфликты. К тому же поводов для конкурентного стало меньше с уменьшением численности охотников за хабаром и увеличением качества и количества хабара. Раньше сталкеры, бандиты, вояки и прочие всякие, бывало, чуть ли не на пятки наступали друг дружке, и в Троте шарилась целая общественность вроде «Санитаров Зоны», религиозные ордена вроде «Инферно» и прочие многолюдные кланы и банды.

Теперь, судя по рассказам бредунов Кисловки, неделю-другую можно в ходке пробить, не встретив ни единого человека. Случись с тобой чего – не докричишься, не дождешься помощи. И не потому, что не захотят помочь, как часто сталкеры поступали, а тупо из-за того, что некому. Поневоле станешь терпимее и добрей к людям, на случай если в сложной ситуевине все-таки услышит твой крик кто-нибудь из коллег, случайно прокрадывающийся неподалеку...

За два месяца лица успели приесться. Приелись манеры говорить, приелись маршруты рейдов. Январь привечал серебристым снегом, февраль же получился сплошь какой-то размытый и плаксивый, дело шло к теплу. И новоприбывшему надо было держаться в толпе – но в то же время втайне оставаться одиноким, чужим.

И он бы таким оставался. Если бы не встреча с единственной на всю округу женщиной. И эта встреча, черт возьми, ну никак не вписывалась в план намерений!!! В соответствии с которым начальный период предназначен для адаптации, внедрения и обретения себя в Троте. Заново. Себя. Не кого-либо еще. И тем более – не обретения женщины.

Наученный горьким опытом Реверс каких угодно сюрпризов от Зоны мог ждать, но такого...

4. Новый напарник

– Ну, что там? – спросил Граф.

– Да по-прежнему. Висит хрень, время теряем, блин, – удрученно сообщил Реверс и отлип от окуляров бинокля. – Нужно что-то решать, надоело тут торчать.

Они залегали в одной из квартир обветшавшей, покосившейся трехэтажки. Дом был сильно поврежден, пребывал в плачевном состоянии – прорехи в стенах и крыше, трещины, все облупилось, фундамент едва держится. Таких в окрестностях осталось еще несколько; каким-то чудом еще не рухнувших, феноменальных «зонных» экспонатов, напоминающих о том, что когда-то Трота и в помине тут не было. Стояло себе обычное жилое здание в одном из уголков городка, ныне почившего в бозе. Даже комната, что сейчас служила двум бредунам укрытием, некогда была чьим-то родным домом. А потом грянуло Посещение.

С-сука, взяло и свалилось с небес Посещение!

Сверзилось оно людям на головы не так уж и мало лет назад. На общем глобально-историческом фоне, конечно, сущая ерунда, но для отдельно взятых поколений человеческого биовида срок более чем ощутимый. Многие люди даже в двадцать первом веке до такого возраста не доживают...

Самая распространенная теория относительно сути Посещения утверждала, что оно являлось как бы подобием привала, устроенного на Земле некоей сверхразумной инопланетной цивилизацией.

То есть летели себе по своим нечеловеческим делам этикие представители высшего разума в абстрактную далекую галактику, и что-то их заставило замедлиться, совершить посадку и немного передохнуть на планете, заселенной хомо сапиенсами, а также их младшими братьями и сестрами других биовидов.

И остались после визита иномирян следы, очаги, шрамы, язвы, отметины, зоны... Именовать можно как угодно, но проблема в том, что угодившие под воздействие залетных иноземцев места сохранили в себе чужеродную, ненормальную для Земли энергетику и оказались усыпаны всяческим мусором, брошенным пришельцами после их разудалого пикника на обочине.

Вот почему люди-аборигены зовут наследство, оставшееся им на память, инопланетными объектами, а искаженные участки материи и пространства локальными изменениями физического пространства. Это по-научному – ИО и ИФП. В просторечии же как угодно: зонник, артефакт, хабар, предмет или объект силы, измененка, абнормаль, локалка, аномалия и все такое прочее, в каждой Зоне свой сленг и свои термины...

И вот одна из враждебных земной природе хреновин, по всем параметрам подпадающая под определение локального ИФП, уже который час держала на коротком поводке двух взрослых мужиков, опытных охотников за хабаром.

– Предлагаешь войти туда? – Граф щелкнул зажигалкой и прикурил сигарету. – Я раньше вообще такого не встречал.

– О, значит, ты меня поймешь. Я раньше не встречал две трети всего, что у вас тут, на севере, натворилось. – Реверс еще раз глянул через оптический прибор. – Будто заново познаю мир... Преобразуется Трот, безостановочно изменяется.

– Ну а как иначе. Окружающая среда и должна непрерывно видоизменяться. Каждый миг привносит что-то новое, а если так не будет происходить, все застынет, остановится... Равнозначно, что умрет. Движение – жизнь, уверен, это универсально, что для земной природы, что для незем...

– Возможно, попытка скорректировать извне вектор движения, – перебил Графа напарник, – уводящий в неизведанное, уже корректирует этот вектор, только вот не отнимает ли кор-

рекция у этого вектора возможность выровняться в нужном направлении самостоятельно? – Он вздохнул. – Э-эх, вечная дилемма пытающихся осмысленно совершенствовать мир.

– Ну, ты сейчас завернул так завернул, брат! Сам-то понял, что сказал? – Граф хлопнул Реверса по плечу, затем потушил окурок и опять выглянул в окно.

– Я как ты, – проворчал Реверс, – ботан, ё-моё... Никак не можешь забыть, что притопал в Зону с аспирантским дипломом в кармане?

– Не в кармане, а в кейсе. Как сейчас помню, э-эх... – Граф ностальгически вздохнул. – Заваливает через северный буфер этакий лицензированный пижон в казенном комбезе, с гламурным рюкзачком и кожаным чемоданчиком, раздутый от радости, что получил грант от научной программы...

– А через три месяца – хоп-хэй – какие-то великие мыслители отдают приказ массово зачистить Зону, и она – ба-бах, трам-пам-пам – отвечает Мегазахватом и нашествием мутантов... Сеструху-то на черта в ад потащил, исследователь хренов?

– Сколько раз тебе повторять, ее и тогда не удержать было! Ультиматум поставила, или беру с собой, или сама ползет, дикарем...

– Да-а, характер у нее нестигаемый. Иначе давно бы сгинула...

– Не-е! Мы упорные, не сдаемся до последнего. Хотя если б отец с матерью не пропали без вести в геологической экспедиции, может, и удалось бы дома оставить, с ними... Ладно, не до лирики сейчас. Давай определяться, что ж ей надобно-то?

Широкий желтовато-синий купол неба распахнулся вверху. Ветер гонял мелкий мусор по бывшим улицам квартала поселка-призрака, пребывающего в редкостно безрадостном состоянии. Непосредственно вдоль дома тянулась раздолбанная аллея, остатки покрытия перемежались островами колючей травы. Она здесь была не такая, как в большом мире, за Периметром, выглядела скорее как мотки и комки проволоки. В паре десятков метров от дома, внутри которого затаились двое бредунов, высилось объемное отражение. Будто в гигантском зеркале, там виднелась точная копия того, что осталось сзади, – тот же участок неба, улицы разрушенного поселения и трава, проросшая сквозь кирпично-бетонные дебри. Вместо дороги, которая обычно вела прямо в лагерь сталкеров, возникло отраженное пространство, оно зациклилось и не пускало. Пойти вперед вроде бы означало то же самое, что и вернуться назад. Это в теории. Человек никогда не знает, какой сюрприз ему подкинет Зона... И ведь до чего же изобретательная, стерва, так и норовит вводить в ступор неожиданными изменениями.

– Фиг знает, чего она хочет... тьфу! – Реверс раздраженно сплюнул. – Но кому-то из нас двоих придется барьер пересечь. Сам понимаешь, обратно идти не...

– С ума сойти... – буркнул Граф. – И кто пойдет?

– Жребий, – предложил Реверс. – Затея рискованная, по жребию будет честно.

– Эх-хе-хе, похоже, другого варианта нет. Ты это... если я не вернусь, сестру не бросай.

Реверс промолчал. Не потому, что врать не хотелось. Он пока и сам не знал, как ответить.

* * *

Граф вышел из подъезда трехэтажки и двинулся по улице, прокладывая маршрут с учетом возможных абнормалей. Наконец благополучно приблизился к предполагаемой, незримой грани между тем, что принято звать реальностью, и... ее дубликатом? Постоял, обернулся, посмотрел в сторону Реверса, напряженно следящего за напарником из окна. Закурил, сделал пару быстрых затяжек, бросил сигарету, наступил на нее, растоптал поворотом подошвы... да и шагнул прямо в «зеркало».

А что еще оставалось? За долгие часы ожидания никаких сдвигов в положении вещей не произошло. Терпеть и ждать у Зоны погоды дальше не стоило, застрять здесь ночью не

рискнула бы даже группа из нескольких бредунов с полными подсумками магазинов, набитых патронами.

Шагнул – и пропал.

Реверс вздрогнул. Напарник испарился мгновенно, вот он был – и сразу не стало. Словно выключился экран, на котором демонстрировалось его изображение. И что теперь?

Только ждать. Потом хоть стреляться, если ничего не изменится.

Сначала ничего не происходило, но потом до ушей Реверса донеслось едва слышное гудение, которое понемногу нарастало и нарастало, превращаясь в гул. Наконец звук повысил громкость до опасного предела, он давил на барабанные перепонки с такой силой, что Реверс согнулся пополам, заткнул уши и зажмурился. А потом брызнуло в глаза чем-то до того ярким, что свет пробился сквозь веки, и обдало порывом ледяного воздуха... Невыносимый звук пропал вмиг, как обрезанный.

Реверс осторожно высунился. Отражение тоже пропало, перед ним снова появился знакомый по прошлым ходкам пейзаж. Убегала вдаль проторенная сотнями ног, не раз претерпевавшая метаморфозы, но все же условно надежная дорога к лагерю бредунов. В первом круге подобное еще возможно.

Недалеко от той черты, где совсем недавно пролегла незримая грань, лицом вниз лежал человек. Реверс с оружием наготове выскочил наружу и как можно быстрее приблизился к нему. Определенно, Граф. Пока что лежащий не подавал признаков жизни. Напарник аккуратно, будто опасаясь неадекватной реакции, потормошил его за плечо. Растянувшийся на дороге наконец застонал, сам перевернулся на спину, кое-как открыл глаза, проморгался.

– Что-о?.. – только и смог выдать он.

– Эта хрень пропала, – сказал Реверс. – После того как ты шагнул в нее, какой-то... э-э-э... процесс запустил, что ли. В общем, она погудела, вспыхнула, дунула и была такова.

– Вспышка... Вода... – нагужно исторг Граф и попытался сесть.

– Брат, ты себя как чувствуешь? – обеспокоенно спросил Реверс, помогая ему. – Помнишь, кто я?

– Да помню, – последовал ответ, и напарник с помощью Реверса наконец сел. – Обошлось вроде, жив.

– Это радует. Подымайся и пошли домой, несостоявшийся зомби. – Реверс улыбнулся в бороду. Поддерживать ее в аккуратном состоянии здесь не получалось, и ровно подстриженная растительность превратилась в приличную бороду.

И они двинулись дальше.

Внешне Граф смотрелся нормальным и вел себя как обычно. Хотя осадок остался...

Но увы, человек не так уж много способностей может противопоставить коварству Зоны. И пока что Реверсу не удалось среди бредунов найти ни одного обладателя сверхвозможностей. И в нем самом они не торопились пробуждаться. Может, испарились уже?

– Знаешь, ничего не бывает просто так, – вдруг сказал бывший аспирант. – Думаю, то, что произошло, так или иначе аукнется нам потом.

– Долой пессимизм, выбрось из головы, – посоветовал Реверс. Согласиться с напарником он позволил себе только мысленно.

В лагерь вернулись без эксцессов. Все-таки первый круг есть первый круг. Раньше здесь даже обычные животные водились, не мутированные... На подступах к Кисловке вернувшихся из ходки традиционно встретили дежурные охранники. Парни попались хорошо знакомые. Пунец (прозванный за то, что на щеках часто проступал румянец) и Лабуда (жизнерадостный, с длинными кудрявыми волосами, «лизун» – так называли тех, кто торчал на «смешинках»). Заприметив Реверса и Графа, он притворно сурово гаркнул:

– Стой, кто идет! – осклабился и стрельнул у Графа сигаретку, а когда тот дал, радостно воскликнул: – Спасибки, браток!

– Ты б не перебарщивал с огурцами, – проворчал Реверс.
– Много нагребли? – поинтересовался Пунец. – Почитай, с неделю как ушли, ни слуху ни духу.

– Прилично взяли, – лаконично отделался Граф.

Они вошли на охраняемую территорию, где бредуны проводили время междуходками. Большая часть населения фактически постоянно здесь обитала, поэтому навстречу Графу и Реверсу попадалось много знакомых лиц; напарников с энтузиазмом приветствовали. Их рады были видеть, пропадали они долго, уже можно было заподозрить, что и стряслось что нехорошее. Но нет, вернулись целыми и невредимыми, и у коллег имелся повод за них порадоваться. Хотя всегда могли обнаружиться и такие, кто рад был бы обратному финалу.

* * *

Завалились в бар. Собственно, и стремились туда прямой наводкой, просто ДК располагался в самой сердцевине поселка, и, дойдя до него, просто невозможно было не повстречать кого-нибудь из приятелей. Обмолвиться парой слов с каждым из таких встречных, вникнуть, чем народ сегодня дышит, послушать задушевные гитарные напевы у разожженного огня.

Обыкновение собираться у костров бредуны сохранили. Напарники по дороге присоединились к компании, окружившей огнище. Пообщавшись, получили инфу о том, что происходило в поселке, пока их не было, и какие слухи принесли захожие гости из других краев Трота. У Ласкаря, старого кореша Графа, узнали, что Касатка за неделю никого не убила, и с ней все в порядке вроде бы. Осведомившись, продолжили путь.

* * *

И вот завалились в бар. Десятка два клиентов насыщались, пьянствовали, обсуждали делишки, сидели, стояли... кто-то даже спал, подкошенный немалым объемом сивухи, пива или спиртеца, влитых в собственный организм, дрых на полу или навалившись на столешницу. Реверс решил присесть за незанятый столик в правом от входа углу, чтобы подкрепиться. Граф, вдруг сославшись на внезапный приступ головной боли, ушел, чтобы отлежаться в своих «апартаментах».

Резиденция долговязого располагалась в одном из домишек поблизости от ДК, и все знали, что это его хибара и постель в ней – его постель. Уже несколько лет он неизменно возвращался туда. Касатка оборудовала себе логово тоже неподалеку, но с другой стороны площади перед ДК. С ее периодически бурлящей личной жизнью это было мудрым решением – далеко от брата не отселяться, но прямо под носом у него не куролесить.

Оставленный напарником Реверс оприходовал миску макарон с говяжьей тушенкой и литровую банку компота из сухофруктов. Вкусный напиток, и цена приемлемая, но главное, что витамины какие-никакие содержит.

Хотя в заведении сейчас тусовалась далеко не толпа народу, атмосфера, как всегда, полнилась перегаром, запахами жареной картошки и варящейся похлебки, табачным дымом и... Да в таких местах и должно все быть по-старому. Где же еще сохраняться духу прежних сталкерских времен.

Реверс внимательно изучал присутствующих. Он вообще по своей натуре был наблюдателем и, несмотря на бесценный жизненный опыт, не уставал изумляться, насколько все люди различны. Даже здесь, в экстремальной среде обитания. Каждый индивидуален – кто-то влачит бесцельное существование, довольствуясь колеей, в которую угодил, кто-то в бешеном темпе бежит по жизненной тропе, кто-то напряженно выжидает, чтобы улучшить момент... Но в каждом из них есть что-то от других хомо сапиенсов... Когда Реверс допивал теплый компот, вдруг

ощутил, что картина зала с находившимися внутри людьми начала расплываться, воспоминания угасать, ниточка очерченной мысли – теряться. Он почувствовал, что глаза неудержимо жаждут закрыться, погрузить мозг в дремоту... Спать, спать... Устал, ч-черт. Ничего не попишешь, годы берут свое, уже далеко не парень-новичок, угодивший в Зону первый раз. Больше четверти века тому назад...

Покончив с едой, он тяжело поднялся на ослабевшие ноги и подбрел к бармену. Поблагодарил за пищу насущную и сообщил, что они с напарником не прочь сбыть ИО, добытые в ходке. Спросил, когда в лагере объявится кто-нибудь из перекупщиков, регулярно бывающих у Периметра и контактирующих с барыгами большого мира. Оказалось, завтра ожидалась группа одного из таких посредников.

Бредуны по большей части решали дела по сбыту хабара через них, так было гораздо удобней, хотя и терялась ощутимая доля выручки. Немногие добытчики таскались к внешней границе самолично. Доставками припасов и вещей в глубину Зоны тоже занимались посредники. Без торгашей сталкерский социум не мог обойтись во все времена, разве что в самом начале те, «старые» бредуны хабар таскали прямо наружу, чтобы сбыть. Поэтому лагеря, подобные кисловодскому, не в последнюю очередь служили «закупочными пунктами» и «супермаркетами».

Реверса нестерпимо тянуло залечь горизонтально. Весь из себя никакой, он только и мечтал о том, чтобы потащиться наружу, чтобы закончить ходку в «своем» домике. В хозяйстве у него уже завелись спальник, мешок, каремат, теплоизолирующая пленка, пополненные набор вещей, необходимых человеку для выживания в Троте. Прибыв в поселок, он после первой же удачной вылазки начал потихоньку затариваться снарягой. Без этого никак. Правду о себе, что недавно пришел извне, Реверс никому из здешних не распространял, даже Графу и его сестричке. Тем более о том, что не впервые пришел.

Реакция Каракурта наглядно показала, что распространяться об этом не стоит. Болезненно относятся запертые в Троте бредуны к самой теме пересечения Периметра... Несколько недель он приноравливался заново, осваивался, учился ходить, осматривался, привыкал к нравам и понятиям. Так и наступила весна.

Расползся, как масло на сковородке, улежавшийся снег, заметно потеплело. В Троте свой внутренний климат, не совсем совпадающий с окружающим нормальным миром, но в первом круге и тем более в считанных по пальцам руки километрах от внешнего края погода примерно та же самая, что и снаружи.

Реверс поэтапно продвигался по пути, который себе наметил. С течением времени он восстанавливал навыки, становился сообразительней, осведомленней, подготовленней, повышая шансы на достижение поставленной цели...

– Компотик... то, что надо, – запнувшись, поблагодарил засыпающий Реверс. – И тушенка... ничего так... Спасибо.

– Я тоже сначала консервы на дух не переносил, когда только пришел. Воротило от одного вида, – разоткровенничался бармен, протираящий стаканы полотенцем. – Потом привык. Все привыкают. Тебе тоже спасибо – за доброе слово.

Собеседника звали Баллон. Росту он был небольшого, коренастый, практически лысый – только над ушами топорщились небольшие островки, – полноватый, весь из себя маслянистый и в смешных круглых очках. Говорили, что специально для него в свое время один из торгашей, Молот, выпросил с Большой земли контактные линзы, но бармен к ним так и не привык и потому продолжал таскать устаревшее оптическое приспособление.

– Да не за что... ладно, я пошел, – сказал Реверс.

– Как ходка?

– Относительно, как и все в этом мире, – пробормотал Реверс. – В принципе наваристо.

– Ты у нас уже третий месяц. Доход стабильный, по мелочовке не работаешь, но глубоко не лезешь. Со всеми корешишься, а о себе не распространяешься, – разговорился вдруг Баллон, словно не замечая, что бредун стоя засыпает. – Странно это... Говоришь, что до закрытия санитаром Зоны был, а особой ненависти к монстрам за тобой мужики вроде не примечали...

В эту секунду Реверс почувствовал опасность, усилием воли вырвал себя из полудремы и понял, что бармен не игнорировал его обмякшее состояние, наоборот, пытался воспользоваться им.

– А ну рассказывай, чего ты ко всем пристаешь? Вынюхиваешь постоянно, зыркаешь. Кто ты? – в лоб спросил Баллон. Его руки скрылись за краем подобия стойки, сооруженной из ящиков и столов. Там, под крышкой, у очкарика наверняка спрятан ствол или стволы...

– Ты чего, братан? Я ж не бывал раньше в этой части Трота, – спокойно ответил бредун. – Хожу, осваиваюсь, то да се. Ты с какого перепугу наехал, на кой черт эти подозрения?

– А ты на себя со стороны посмотри! – задиристо, с вызовом бросил Баллон. – Вылитый подсадной!

– Это ты меня за безопасника держишь, что ли? Хм! – хмыкнул Реверс и почувствовал, что его отпускает напряжение, сменившее сонный расслабон. – Канешна, канешна, я суперкрыса, крутой агент, мент под прикрытием... Але, Баллон! Какие вселенские тайны можно искать в первом круге среди бредунов, которые дальше второго круга боятся слазить? Опомнись! Не там агентов ищешь. Ты мне вот лучше скажи, существует ли убойная хрень, жидкая, «газировкой» называется? Мутированный уксус. Вместо взрывчатки использовать можно. Лупит, как сгусток плазмы какой-нибудь. Я у парней расспрашивал, никто не слыхал про...

– «Газировка»? – удивился Баллон. Одна из его рук показалась над стойкой, бармен озадаченно почесал лысину.

– Во-от! Настоящие агенты мимо вас в глубину чешут. Я одного такого зимой встретил, возле холма, что вы зовете Прыщ. Он мутных уродов этой «газировкой» хреначил враз, куски мяса разлетались! А вы здесь со старыми пулевыми стволами ходите...

– Ты что городишь? Какая, на хрен, «газировка», какая плазма? Тут энергошокер достать – уже радость на полную катушку...

– Я не сочиняю, вправду было.

– А у меня впечатление, что сочиняешь. В ходках оно бывает, глюки и ложные воспоминания выскакивают...

– Понятно. Короче, если я крыса, тогда вали меня в спину. И да, с мужиками, которые по поводу меня сомнения имеют и тебя подослали предьявлять, обязательно выпейте за мое здоровье на том свете. Я вас там подожду, продолжим.

Развернулся и ушел. Выстрела в спину если и ожидал, то совсем чуть. Один шанс из тысячи, что бармена не переубедил.

Но тут уж как выпадет карта. В Зоне не жизнь, а сплошная русская рулетка судьбы. И злобно сопящий за спиной лысый бармен ничуть не хуже и не лучше сотен ловушек, которые поджидают сталкера в каждой ходке. Так что было бы из-за чего нервы сжигать. Да оно и к лучшему, что разговор состоялся.

Теперь можно не шифроваться, когда в очередной раз к очередному бродяге в душу лезешь за кружкой компота или пива, пытая, что, где, когда и кого повидал братан, пока боролся за жизнь все эти дикие годы. В отчаянной надежде, что нужная крупинка информации наконец-то промелькнет в рассказях одного из собеседников. Зачем, спрашивается, вертался взад, если ни черта не удастся узнать до сих пор?!

Реверс вышел из ДК наружу, перевел дух (все-таки один шанс из тысячи – не совсем нулевой) и посреди развалюх Кисловки почесал к своей руинке. Там его ждал верный в отличие от людей друг – спальник.

Бредуна заполонила единственная сейчас мечта – залезть в теплый мешок и завалиться на каремат...

Это лишь в старых книжках, давно исчезнувших из продажи, изъятых из сетевых баз данных, бравые неутомимые сталкеры после долгих ходок всю ночь бухают и бузят, а наутро прямо из кабаков, почистив оружие и проверив снарягу, уходят в новый рейд. Реальному человеку, даже самому тренированному, выносливому и закаленному, жизненно необходим сон. Возможность выспаться по степени важности на третьем месте после зонной чуйки и надежного, исправного оружия с полным комплектом боезапаса.

* * *

Реверс осмотрел напарника с ног до головы.

– Голова как?..

– Вчера раскалывалась зверски, а сейчас норм. – С виду Граф действительно привел себя в полный порядок.

Они вошли в зал бара, на удивление почти пустой, и Реверс попросил кружку воды у второго бармена, черноусого кавказца, не то осетина, не то чеченца, с закономерной кличкой Джигит.

Он едва успел осушить емкость, как в баре появилась... она.

– Приветик, изверги! – звонким, светлым голосом разукрасила будничное, обесцвеченное мартовское утро, взмахнув головкой, расплескала черными лучами волосы по округлым плечикам. – Вам прямо здесь морды набить или подберем укромную хатку? Трудно было вечером на минутку ко мне заглянуть и сказать, что вернулись? Мало того что лишили меня постоянного напарника, еще и не заботитесь о моей психике!

Реверс, поспешно отвернувшись от входа, старательно всматривался в бок опустевшей кружки из нержавеющей стали. Из всех сил сопротивляясь соблазну смотреть, смотреть, смотреть на нее...

Новоприбывший бородач с длинным Графом и вправду неожиданно для всех моментально сошлись, как будто встретились старые друзья. Графом братца нарекла, между прочим, именно она, Касатка. Точней, называла там еще, в нормальной жизни до Зоны. И перенесла имя из большого мира в аномальную реальность. Он был ученым, весь в родителей, исследователем и натуралистом, его манили загадки, как мед муху, а она – истинной авантюристкой по натуре. Кроме друг дружки, у них никого на свете не осталось. Эта парочка сирот просто обречена была рано или поздно припереться в одну из Зон Посещения – куда ж еще! Попробуй найди в большом мире, заимевшем отметины небес, другие места с еще более высокой концентрацией приключений. Необъясненной неизведанности пополам с экстримом.

Вот и приперлись. За считанные месяцы до катаклизма, после которого выбраться обратно уже не получилось.

В новогоднюю ночь, когда сокрушительно-обворожительная сестричка Графа зацепила Реверса и потянула его в бурлящий хаос праздника, она одарила его таким бездонным взглядом, что он никогда не сможет забыть тот влекущий, засасывающий... Со второго января он прилагал все усилия, чтобы не попасться больше в ловушку.

– Что, садюги, стыдно глазки поднять? – донеслось от входа.

Вслед за Графом, с кряхтением слезшим с табурета и повернувшись к ней, сгорбившийся у стойки Реверс оторвался от кружки и посмотрел. Ему до того сложно было на нее глядеть без сбившегося дыхания, не показывая чувства, бушующего внутри, что вот уже третий месяц он всячески избегал прямых контактов. Когда это не удавалось, горячая пелена возвращалась и норовила обволочь сознание, изгнав оттуда сколь-нибудь связанные мысли.

Впрочем, примерно с такими же ощущениями с ней контактировало абсолютное большинство самцов, которым доводилось на зонной тропе столкнуться с этаким нездешним чудом. Даже суровым мужикам в Зоне весьма проблематично вытеснить из себя желание...

Но со второго января он, Реверс, оставался в лагере чуть ли не единственным – здешние геи не в счет – человеком мужского пола, который внешне никак не проявлял чувства к ней. Для нее он снова превратился в равнодушного, занятого своими проблемами мужика, каким, собственно, и был при первом знакомстве. И которым ему удавалось оставаться до сих пор... за исключением новогодней ночи и первого дня года.

Именно потому, что он должен был приложить все усилия, чтобы та ночь и тот день не повторились. Иначе все выстроенные планы долой, и целью возвращения становится новый план. Спасение этой черноволосой сероглазой принцессы из лап чужестранного дракона. Стоит лишь отпустить загнанную вглубь любовь на свободу – и она займет место той цели, ради спасения которой он здесь оказался во многом внезапно для самого себя.

А Кэс как истинная женщина разожгла в себе неутолимое чувство именно к тому, кто ее будто не замечал. В лучшем случае снисходил до дружеской заботы – сестра напарника как-никак.

Их бесконечный-скоротечный роман длился целый год, но уместился фактически в единственную ночь. Потому что с тридцать первого на первое разных лет...

Сейчас, мартовским утром, она подбоченившись стояла у выхода из бара и насмешливо смотрела на брата и его напарника. Когда они повернулись к ней, скользнула к мужчинам, положила руки Графу на плечи, приблизила губы к левому уху и что-то зашептала. Брат ответил так же шепотом ей на ушко, и так они болтали, как бы не обращая внимания на Реверса.

Ага, значит, сегодня у Касатки мстительное настроение. Иногда она напарнику брата буквально проходу не давала, а иногда платила той же монетой, изображая, что в упор не замечает. Если бы постоянным обитателям лагеря нечем было заняться, они уже могли бы делать ставки, получит Кэс свое или нет. Или выгнали бы Реверса на фиг отсюда, чтобы он не отбирал у них шансы иногда совпасть с игривым настроением девушки и провести с ней горячую ночьку.

Сейчас Реверс мог уходить обратно в свою развалину, сегодня его трогать не будут, оставят в покое.

– Понадоблюсь – найдешь, – сказал он Графу и отвалил «домой».

Там присел на один из ящиков, приспособленных под мебель, и позволил себе взгрустнуть. Ему уже немало лет, не пацан. Измученный мужчина, гонящий сам себя вперед и намеренный достичь цели любыми средствами. Первый раз он пришел в Трот, когда эта сероглазая девочка еще даже не родилась. Он просто не имел права занимать в ее судьбе особое место.

Да, ни один мужчина, до самого последнего в жизни вздоха, не застрахован от того, что в следующую минуту, за следующим углом, судьба не припасла ему женщину, которая одарит бесценнейшим из подарков – взглядом, ради которого начинались войны, рушились империи, создавались гениальные шедевры и гибли целые народы. Да уж, пока человек остается человеком, от воспламеняющей сердца искры, проскакивающей между двумя, зажигающей глаза, души и тела, ни у кого защиты нет и быть не может. И да, тогда, в новогоднюю ночь, просто невозможно было не уступить сокрушительному напору любви, но...

Завтра, или через три дня, или через месяц он отсюда уйдет. Один. Как только дождется нужного знака и попутного ветра.

Как-то в феврале они с Графом и еще одним бредуном, соло по кличке Бек, красавцем-узбеком, который присоединился к ним на обратном пути, притащили из ходки «оригами». Повезло им надобать редчайший зонник. Со своей доли Реверс купил себе старенький цифровой плеер «Sony».

Этот раритет в Зоне стоил безбожно дорого, настоящий предмет роскоши по нынешним временам. Реверс потратился – и ни разу не пожалел. Гаджет у Молота оставался последний. Он как будто ждал Реверса, предназначался именно этому покупателю... Плеер позволял слушать музыку, а музыка всегда помогала ему настраиваться, открывать каналы воображения, позволяющие хоть ненадолго отрешиться от окружающей среды, погрузиться в сферы возмож-

ного, но еще не реализованного. Стоило отяжелить уши клипсами наушников – и звучали песни «Кино», незабвенным голосом Цоя напоминавшие о том, что надо закрыть за собой дверь и уйти, или совет «Машины времени», что не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше... Для отражения ситуации, в которой Реверс находился теперь, очень актуально. Не то слово.

Только вот все в той или иной мере прогибались. В юности сложно было понять почему – времена такие или реализация... чего? Тем не менее в людях что-то менялось, и до той поры, пока самому ему удавалось оставаться беспристрастным и не подверженным переменам, он не различал этого... До поры в упор не замечал, и жилось ему... как и всем. А потом он ушел в Трот и встретил здесь людей, которые не прогибались. Благодаря тому, что ушел вовремя, он стал самим собой. Потом вышел обратно. И ни о чем не жалел. До того момента, как вдруг... увидел то, что ухитрился не заметить раньше, хотя имел все исходные данные.

И вернулся обратно.

Теперь он твердо следовал избранному Пути. Делал что должно, и будь что будет...

Сейчас, в этот мартовский день, он сидел на расстеленном каремате и усиленно думал. Сопоставлял факты. Он всегда предпочитал это занятие бездумному проматыванию драгоценных секунд, выдавшихся для привала между ходками. Сидеть на одном месте долго не получалось, такой уж неусидчивой натурой обладал от природы. Стоило ненадолго остановиться, как очень скоро вновь появлялось желание уйти, начиналось нечто вроде ломки, надоедало ничегонеделание. Телу отдых нужен обязательно, однако разуму и душе успокоение противопоказано...

Он посмотрел в проем выбитого окна. Вернуться в бар? Не стоит. Там – она. В конце концов, он скоро уйдет и почти наверняка никогда не вернется к ней и не встретится с... А может, долой такие мысли, и по достижении цели постараться выжить, вернуться и признаться ей, что... Э-эх! Реверс вздохнул, отбросив пустые мечты, выключил плеер и влез в спальник. Сон поможет усмирить желание уйти прямо сейчас, чтобы избавить себя от сладкой муки, приносимой возможностью увидеть бездонные глаза вновь и вновь...

День как-то незаметно убежал в прошлое. Реверс то проваливался в сон, то просыпался. От нечего делать даже поел. Снова растянулся на каремате. Снаружи уже все пространство заполняли вечерние сумерки. Реверс тоскливо смотрел в померкшее окно, на приевшуюся картинку зонной серости, принуждающей рассматривать мир словно сквозь смурную призму. И жаждал видеть иную серость, парадоксально лучезарную... Входила луна, не по-зонному ясная, и на стенах комнаты зашевелились тени. Мрак не торопился воцариться. Но все равно здесь было холодно, сыро, скучно, холодно, холодно... но привычно. На то и Зона.

По щеке Реверса скатилась слеза. Мужчина смахнул ее, спрятался в нутро теплого спальника, укутался, нацепил на уши музыкальные клипсы и позволил драгоценному воспоминанию хлынуть из глубины подсознания...

Он касался кончика ее язычка своим языком и вдыхал запах ее кожи, пьянящий сильнее самого крепкого вина. И желание, поначалу томительное, умеренное, загнанное в тиски запрета, разжигалось, вспухало в освобожденное и необузданное. Извиваясь от снедающей страсти, она впивалась ногтями в его шею, запускала жадные пальчики ему в волосы... Дальше все произошло стремительно – рывком сдернутая куртка обнажила женские плечи, затем больше, больше не скрытого тела, каждое прикосновение возбуждало, как тысячи щекочущих бабочек... Расстеленное одеяло под ними скользило, норовя сдвинуться, скомкаться, затанцевать, и чьи-то руки, или его, или ее, в судорожном удержании сжимали ткань, влажную от...

Реверс вздрогнул, стряхнул наваждение, загнал воспоминание обратно в подсознание, выпростал из спальника руку и нашарил флягу, чтобы залить водой глотку, иссушенную страстью, и увлажнить губы, трескающиеся от желания слиться с женскими... Возбуждение удалось

сбить не сразу. Он закрывал глаза и оказывался в каком-то другом месте, зыбком и текучем, и женский голос жарко шептал ему:

– Люди уходят в Зону... Стоит появиться какой-нибудь запретной, опасной территории, и мы рвемся туда. Почему? Почему наше сознание хочет спокойной, размеренной жизни, а подсознание тянет к неизведанному?..

Ее голос уже звучал тревожно, очертания дергались под напором рваного ветра. Обнявшись, они стояли в сказочном парке под большой стеклянной луной. Ночное солнце выглядело мистически в бакенбардах из облаков...

– Бывает наоборот, – ответил мужской голос, – подсознание влечет к тихому, безмятежному существованию, а сознание гонит вперед, требует постоянного движения...

Он застонал и неимоверным усилием вырвал из себя голоса и тени, выбросил их в сгустившийся мрак. Луна скрылась за тучами, и сразу полегчало.

Справиться удалось не сразу, но удалось.

Когда есть возможность дать телу отдохнуть, лучше запастись сном впрок. Мечтай, не мечтай, а послезавтра или через неделю безжалостный путь заберет возможность увидеть бездонные глаза.

* * *

Утром лагерь был поднят по тревоге. Пропал один из сталкеров, тот самый Бек.

Гвоздь и Коршун возвращались из ходки и наткнулись на рюкзак и автомат узбека, лежащие на открытом ровном месте. Целый, не разодранный рюкзак, который просто сняли с плеч и опустили на землю. И аккуратно пристроенное оружие сверху. И никаких признаков хозяина поблизости.

Народ разделился на бригады и выдвинулся на поиски. Реверс, хочешь, не хочешь, ушел в рейд не только с Графом, но и с Касаткой.

После мучительной одинокой ночи он все же находил в себе силы не позволять чувствам разгуляться. Смотрел на нее отстраненно, как на бесполое существо, выполняющее определенные функции. По справедливости отметил, что она замечательно идет. Как и подобает настоящему бредуну. Точно определяет, где абнормали, прокладывает тропу удобно, вовремя реагирует на опасности. Когда к ним неожиданно ринулась маракумба, представляющая собой смертельную угрозу на ближних дистанциях, ловкая и стремительная напарница еще на дальнем подступе расстреляла тварь.

Поиски оказались бесплодными. Деревесные стволы варились в туманной гуще, едва пробивалось через нее холодное солнце... Тройка бредунов возвращалась далеко за полдень. Не было ни плохих, ни хороших результатов. Может, другие группы обнаружили следы исчезнувшего? Или даже его труп? В лагере выяснилось – нет, у всех то же самое. Бек сгинул бесследно.

Вот тут Реверс впервые услышал о них. Тему затронул Граф, когда они шли от площади перед ДК, куда подтягивались поисковые группы одна за другой, к домику старшего брата, напарник сказал как бы сам себе, мысля вслух:

– Опять их работа...

– Что-что? Кого это их? – не понял Реверс слов напарника.

– Он про «чистильщиков», – ответила за брата Касатка, и ее ответ породил новые вопросы.

– Точно, – подтвердил Граф. – Но толком ничего я не знаю. Слухи ходили, мол, водятся в Троте неуловимые парни, которые убирают людей. Непонятно за что, просто берут и стирают бредунов, негодных им по каким-то критериям. Пожитки и оружие стертых их не интересует вроде, это не банальные бандиты. Какие цели преследуют, как это делают, достоверно не известно никому, а байки пересказывать не стану. Факт, что подобных исчезновений

уже немало. Слышал я как-то вполне обоснованное предположение, что эти так называемые «чистильщики» скрываются среди нас и выполняют ликвидации, когда совпадают требуемые критерии... – Граф вдруг остановился и уставился на Реверса, и в его пристальном взгляде читалось подозрение. – Никто ничего не видит и не знает. Трупов не находят, – завершил он рассказ.

Касатка тоже остановилась и подала Реверса сумрачным взглядом вприщур. Вот подобного ее взгляда «через прицел» стоило бояться любому мужчине, удостоенному такого подарочка.

– Я не буду вас уверять, что не «чистильщик», – спокойно произнес Реверс. – Вы мне все равно не поверите, если буду. Но если сможете, примите за факт, что я впервые о них услышал прямо сейчас от вас. На юге таких случаев не было... Причем у меня есть встречная претензия – вы мне о них раньше даже не заикнулись, хотя я расспрашивал о всяком-разном.

– О них ты не спрашивал, – резонно заметила Кэс.

– Так он и не мог спросить о том, чего не знал, – поверив Реверсу, Граф ответил за него.

– А мы не могли рассказать абсолютно обо всем, – не менее резонно заметила девушка. – Особенно когда некоторые не особенно желают общаться, – уела она бессовестного мужчину, со второго января избегающего оставаться с нею тет-а-тет.

Но главное, что серые глаза больше не рассматривали Реверса через прицел.

– Ладно, что уж теперь... – примирительно сказал он. – Давайте помянем Бека.

– Удачной ему ходки на небесах, – пожелала Касатка.

Что ж. Все как обычно. На одного бродягу стало меньше. Реверсу сделалось еще грустнее... Они добрались домой к Графу, устроились кто где, выпили пива, не чокаясь. Старший из троих, присевший на опрокинутый ржавый корпус древнего как Посещение холодильника «Донбасс», заметил краем глаза, что она смотрит на него. Безотрывно. Молчит и смотрит. Он опустил голову, но не выдержал и снова покосился. Она поймала его ответный взгляд. В ее чистых серых глазах читался укор, а губы искривились в горькой усмешке.

Он даже не понял, как это получилось, но в эту секунду осознал, что ответил ей, искривив краешки губ.

Спохватился и резко встал на ноги.

– Я ушел, короче, – сообщил брату и сестре. – Надо, дела.

И быстро покинул логово Графа. Затем действительно занялся делами, для чего переместился к дому, где обосновался Молот. Деляга как раз сейчас находился в лагере.

Реверс спустился в подвал бывшего поселкового совета. Тут было относительно прибрано, лестница подметена, нигде не виднелось «бычковых» или потеков засохшей слюны, исторгнутых любителями харканья. Молот восседал за круглым столом. Стол был прочен, творился, так сказать, «на века», и весил порядочно.

В отличие от хозяина, худого и высушенного. На его физиономии выделялись клиновидная седая бородка, глубокие морщины вокруг глаз и роскошный семитский нос.

– Здорово! – провозгласил Реверс, протягивая руку. – Как сам?

Торгаш, не произнеся ни слова, протянул руку для ответного приветствия. Реверс умеренно сжал сухощавую ладошку и приступил к торгу. Разложил на столе хабар, вынимая зонники один за другим из рюкзака. Молот окинул принесенную добычу оценивающим взглядом, что-то прокрутил в уме, хмыкнул. Выудил из-под стола толстенный «пресс» бабла, отслонявил какое-то количество купюр, придвинул пачку Реверсу.

Реверс пересчитал предложенную сумму и скептически покачал головой.

Молот молча таращился на него.

Реверс твердо произнес:

– К этому еще столько же.

Молот кивнул и без разговоров отклонявил еще бумажек. Меньше, чем столько же. Реверс добросовестно пересчитал, не согласился, отрицательно покачивая головой, положил все деньги обратно на стол и решительно принялся складывать товар в рюкзак.

– Хорошо-хорошо! – сдался молчаливый торговец, впервые соизволив открыть рот, и добавил недостающее. На этот раз процентов было приплюсовано действительно сто, а не пятьдесят.

Ну, куда ж без торга! Хотя ясно было с самого начала, чем закончится. Молот уже покупал у Реверса и знал, что с ним цену не сбить.

– Ты доставил мне то, что я заказал? – спросил бредун.

Молот проинформировал, что нет, помотав головой.

– Я жду, – напомнил Реверс.

Носатый молчун наклонил голову, подтверждая, что не забыл и как только, так сразу.

Отдав хабар и узнав, что хотел, бредун коротко попрощался, забрал деньги и покинул жилище бизнесмена.

Когда стемнело, он зашел к Графу. Убедившись предварительно, что он дома один. Тот, увидев напарника, ткнул пальцем на холодильник, садись, мол, туда же, откуда сбежал. Закурил и спросил:

– Соображения?

– Завтра идем, – ожидаемо ответил Реверс.

Граф ощерился гнилыми зубами и смахнул пепел со своих коленей.

– Примем еще за Бека?

– Поддерживаю, – согласился Реверс. – Кстати, как ты насчет того, чтобы... э-э-э...

– Ну, не тяни кота за усы!

– Можно попробовать прогуляться дальше.

– Хочешь спуститься во второй?

– Второй или дальше. Хочу сыграть по-крупному...

– Без Касатки я далеко не пойду, – сказал Граф. – Сам понимаешь. Она, конечно, девочка боевая, но если я схохну и не вернусь...

А ведь действительно, где двое, там и трое!..

У Реверса в груди полыхнуло жарким огнем. Видимо, он настолько тщательно выгонял этот вариант из сознания, что идея уйти всем вместе даже в мыслях не появлялась. Может быть, удастся совместить ДВЕ цели?!

– А потянет ли? – с сомнением спросил он Графа. – Она у нас боец, но девушка все же, ты прав.

– Смутно ты формулируешь, – улыбнулся Граф.

– Наверное, – не стал отрицать Реверс и улыбнулся в ответ.

И подумал, что он в этой комнате сегодня прямо-таки рекорд по улыбкам поставил.

– Хорошо, я подумаю, – пообещал он Графу и ушел.

Побрел по поселку к себе, очень надеясь, что по ходу не встретится случайно с Касаткой.

И думал, думал. Про себя он знал наверняка, что еще больше месяца не выдержит. Обычная сталкерская доля не для него. Это ж беспросветная рутина. Сходил на охоту за хабаром, повезло, добыл и вернулся живой. Сходил, добыл, вернулся. Продавал, сходил, добыл. Не-ет, только не это! Только этим он и в первый период своего пребывания в Зоне не смог и не захотел заниматься. Нашел занятие поинтересней, благо было кому подсказать.

Еще тогда убедился, что такой круговорот не для него. Покутил в баре, получил средства для новой вылазки, закупился, опять сходил, побродил, удачно отстреливаясь, выжил, добыл и вернулся... И так по бесконечному кругу. Есть белки-летяги, а тут не люди, но какие-то белки-бродяги... И как только они, оставшиеся бредуны, не перевешались еще с тоски?! Глотки себе не перепилили, не перестрелялись от безнадеги?.. А может, и вправду не люди они больше?

Серые оболочки, ставшие заложниками своего способа существования. Работа – бухать, работа – бухать. Какая бы она ни была, работа – пусть даже экстремально выживать на волосок от смерти и добывать в абнормальных, чуждых человеческой природе пространствах подарочки со звезд, – она приедается рано или поздно. Потому что – каторга обреченных. Единственный способ не застрять, не поддаться, не застыть – постоянно вперед. Стремиться, бежать, двигаться, а значит, жить, но не довольствоваться жалким заменителем жизни...

Следовало сделать неутешительный вывод: нет здесь людей уже. Бледные тени, марионетки, роботы... Разве что Графа и Касатку спасти можно, и это может получиться, они ведь раньше бывали в различных передрягах, и вообще о них отдельный разговор. Настоящие люди, оставшиеся в Троте, все там, глубже, в безостановочном темпе борются с окружающей агрессивной средой.

Граф рассказывал, что по прошествии какого-то времени после всех потрясений, закрытия и людоедского периода, когда уже помалу наладилось и появилась нынешняя расстановка сил, немало выживших впали в депрессию. Целая эпидемия суицидальных смертей прокатилась, сократив и без того не многолюдный контингент узников Трота. Новоприбывшие-то позднее начали появляться, и отношение к ним всегда было и есть не ахти – типа как к «новоделам», в отличие от старожилов не вынесшим все испытания и муки.

Большая часть уцелевших потому и зависла в первом-втором кругах. В застойном «между». Вроде и опасности достаточно, чтобы не расслабляться, и в то же время не до такой степени опасно, чтобы ощущать себя в полной мере богоборцами, вынужденными противостоять небесным энергиям.

Инстинкт самосохранения еще не атрофировался, а деваться-то некуда. Нельзя теперь взять и уйти в нормальный мир, сделать передышку, сменив среду обитания, а потом опять сюда вернуться. Можно только колебаться в бесконечном алгоритме: ушел – хабар – подождал – снова ушел. Приток новичков слишком слабый, и количество бредунов неотвратимо сокращается. Те, что не смирились, поуходили вниз, в глубокие круги, в нестабильность и изменчивость.

Оставшиеся такой возможности не имеют по причине того, что не обладают такой же силой – и в кругах дальше второго обречены на погибель неизбежную. Понимая это, предпочитают бездумно исполнять алгоритм. Зона ведь стала на порядок жестче и опаснее после нашествия и закрытия.

Те же, кто не мог бездумно существовать, но и не обладал потенциалом чутко Зону, необходимым для движения, – вот они-то и стрелялись, вешались. Осознав, какую совершили ошибку, загнав себя в Трот, из которого больше не выйти.

А ведь, кроме сталкеров, выжила еще и какая-то часть бандитов, наемников, отщепенцев разномастных... Они-то в кого превратились сейчас? И эти загадочные «чистильщики»...

Факт, ни о чем подобном Реверс не слышал раньше, до зачистки, нашествия и закрытия. Убивали все, всегда, всех, но никаких слухов о том, что кто-то тайно находится среди людей и выдергивает избранных по какой-то неведомой причине!

Он и сам тогда занимался в каком-то смысле поиском избранных, но совершенно не для того, чтобы стирать, и уж точно ни в какой организации не состоял.

* * *

Когда Граф появился в руине у Реверса, лицо у него было окаменевшее, сумрачное. Напарник тотчас понял: что-то нешуточное стряслось.

Но долгую минуту после слов, выданных старшим братом Касатки, не мог понять, что именно тот сказал. Настолько не укладывалось сказанное в голову.

– Моя девочка... Она... пропала.

Четыре слова всего, а пониманию не поддавались долгую, бесконечную минуту. Но когда дошло... Лицо у него самого наверняка так же окаменело, ни в жизнь не скажешь, какой ураган чувств взорвался в душе. Глаза разве что выдать могли, но кто сейчас ему в глаза посмотрит, Граф и сам вот-вот лопнет от сдерживаемой ярости.

– «Чистильщики»? – тихо, почти шепотом наконец спросил Реверс.

– Нет. – Граф протянул Реверсу клочок бумаги. – Только радоваться нечему.

Бородатый бредун ослабевшими, мелко подрагивающими руками взял, поднес к горящему на ящике фонарю и прочитал. Корявыми печатными буквами на бумажке было накарябано следующее:

«Твая девка у нас Викуп дай завтра вечер Гарбатый холм где стлбы как крест Не даж сдохнет».

Ниже значилась сумма. Круглая. Очень круглая.

– Мраз-зи, ссуки, с-скоты, – сквозь зубы процедил Реверс.

– Да, слишком много просят. – Граф говорил едва слышно, но формулировал предельно четко. – Они должны понимать, что у обычных бродяг редко бывает столько. Но требуют гигантский выкуп. Это наводит на мысль.

– Верно. Крыса... Кто-то сдал нас. Мы приходим с богатым хабаром, кто-то в курсе, что...

– Молот? – предположил Граф.

– Вряд ли. Конечно, молчун наш тип гнусный, но так подставляться... Он же бизнесмен, а вдруг подлянка вскроется? Что клиенты о нем подумают... Выгоднее получать стабильный доход от сделок, чем однократно взять куш и лишиться многих источников дохода. Ты же не думаешь, что Молот дурак?

– Возможно, он рассчитывал на то, что мы так подумаем. Потому и пошел на это.

– Да кто угодно может пойти. Поздно пить боржом... Нужно досконально обдумать ответные действия. А времени мало...

С каждым словом к Реверсу возвращалась сила. Действие мобилизует.

– Так мы деньги собираем или как?

– Мне бы не хотелось об этом даже думать, но допускается вариант, что нашу девочку уже-е-е... – Отважившись предположить худшее вслух, Реверс был вынужден сделать паузу, потому что конкретно эти слова не усилили, а наоборот, лишили его дыхания, и он не мог говорить четверть минуты как минимум; но собрался с духом и продолжил: – Деньги есть, только платить мы никому ничего не будем. Поступим так...

5. Новый пункт плана

Багровый диск солнца неумолимо опускался за расплывчатую линию горизонта. Где-то в ней терялся внешний Периметр, за которым осталась нормальная природа. С той стороны неба разгорелось красно-сине-белесое марево. Неравномерно рассредоточенные деревья сохранились преимущественно с западной стороны елбана, на их отогревшихся ветках прорезались первые почки. Деревьев здесь было куда больше в отличие от северного склона, переходящего в знакомые Реверсу луга, поросшие сухой травой. Те самые, по которым он пришел в этот сектор от внешней границы.

Громадина холма нависала над равниной. В самом низу крутого склона из почвы торчали две толстые металлические трубы, наклоненные одна к другой. Зачем они здесь и остатком какой конструкции являются, никто не знал. Но служили еще одной деталью, напоминающей, что под одинокой горкой может хорониться бывший населенный пункт. О том, где расположен крест, или буква икс, которая получилась от скрещения труб, Реверс понятия не имел, но старожил Граф, конечно же, сразу понял.

Вынужденно любуясь закатом, сейчас он стоял, держа в левой руке полиэтиленовый пакет с деньгами, в правой – самокрутку, и смолил в кулак, по сталкерской привычке скрывая огонек. Ни он, ни напарник не могли знать, поведутся похитители или нет. Вечер миновал, солнце вот-вот закатится, и назначенный час пройдет... Что делать дальше, ждать всю ночь?.. Ответ пришел в момент исчезновения солнца, будто специально дожидались.

На окруженной деревьями площадке появился некто. Вроде бы человек в зеленом балахоне, в противогазной маске и с автоматом Калашникова наперевес. Оставаясь на приличном расстоянии от бредуна и держа его под прицелом, он велел Графу опустить пакет на землю.

Граф не выполнил приказа. Вместо того чтобы наклониться, крикнул:

– Где девушка?

Бандит повысил голос и тоже закричал, приказывая поставить выкуп и отойти от «столбов крестом» вправо, к югу. Явно занервничал. Граф обронил окурок и успокаивающе поднял правую руку с открытой ладонью. Губы у него самого задрожали, и хорошо, что говорить бандиту пока что ничего не надо было... Опустив руку, старший брат начал медленно приседать, сделав вид, что собирается класть деньги наземь. Но обозначенное движение не совершил, резко подался вбок и метнулся в сторону, уходя с линии прицела... Стрелять сам из такого положения он мог бы, только уже свалившись и выхватив пистолет, поэтому оставалось молиться, чтобы напарник успел... Реверс успел и сработал четко. Прогремел гулкий выстрел, и голова бандита разлетелась на куски...

После томительной паузы Реверс проявился среди деревьев. С шикарным стволом наперевес. Теперь основным оружием ему послужила снайперская винтовка системы «Ремингтон», классика, старая и надежная. Молот не выполнил заказ вовремя, но молчаливый еврей не единственный поставщик в секторе. Хотя пришлось поднапрячься, чтобы менее чем за сутки заполучить подходящую снайперку. Что-нибудь из маузеровских моделей или славного семейства «барретов» добыть не удалось, да и тяжелые слишком для мужика не таких уж богатырских габаритов эти американские крупнокалиберные «пушки».

– Суперски сработано, – одобрил Граф, поднявшийся с земли. – Прикрывающий как? Один был?

– Один, один, – сказал Реверс. – Должен быть жив. Я его ласково придушил, любя.

– Уверен?

– А то! Покуда ты торчал у столбов, как влюбленный на свиданке, я прочесал в скрытом режиме всю эту рощу хренову. Придурки свято поверили, что ты сам припрешься. Я ж

тебе говорил, серьезные урки по-другому «стрелки» обставляют. Нам повезло, малограмотные шакалы не по этим делам. Идем «языка» допрашивать.

– Сейчас, только оружие с трупа сниму...

Хоронившийся в глубине рошицы, но потерпевший поражение второй подельник уже не валялся в отключке. Он мычал, хрипел, ворочался, дергался и пытался освободиться от пут, которыми его спеленал Реверс.

– Сявка, – презрительно бросил Граф, обозрев жалкую картину.

Да, без сомнений, по всем признакам это был уголовник. От сталкеров и бредунов эта публика всегда отличалась, и ничего не изменилось даже в закрывшейся Зоне.

– Брат, ты отойди в сторонку. Потом его отметелишь, ладно? – попросил Реверс. – Я сам допрошу.

Долговязый напарник не стал спорить.

Меньший ростом, но старший по возрасту бредун присел на корточки и без предисловий, наотмашь хлестнул бандита по морде. От неожиданности тот замер, перестал рваться на волю.

– Слушай сюда, урод! – громко, чтоб дошло, сказал ему Реверс. – Предупреждаю ровно один раз, не выживайся. Будешь отвечать внятно и честно, я тебе не буду отрезать твой член и яйца по отдельности, кусочками, не буду их запихивать в твой рот, не буду полосовать твои глазки лезвием, не воткну в ноздрю шомпол, не вырву ногти и даже не убью. Обещаю! Говори, девушка жива?

И он выдернул изо рта пленного комок ткани – запасные носки, которые использовал в качестве кляпа.

Первым делом бандит зарычал, затем прокашлялся, изверг матерную тираду ругательств и увенчал ее заверением:

– Живая, живая! – энергично кивая головой.

Чем-то его Реверс моментально убедил не выживаться. Видом своим решительным, или тоном безапелляционным, или красочными подробностями, или на ментальном уровне исходило от него предупреждение, что перечить опасно для здоровья...

– Где она? – спросил бредун.

Граф стоял поодаль и наблюдал, кривя рот в гадливой ухмылке.

– Она... в лагере...

– Где-где? В Кисловке?! – не выдержал старший брат и дернулся к уркагану.

Реверс едва успел перехватить напарника и оттянуть от пленника.

– Не-е!! – заполошно вскрикнул бандюга. – В остров на Прилесье увели... За Алым Озером стена тумана, знаете? Там есть проход...

– Байки эти корешам своим загоняй! Я те места как свои пять пальцев знаю! За Алым прохода нет. Тропа обрывается, дальше трясина. Туда никто в здравом уме не сунется!

– Есть... обход... вдоль кустарника... кочки... – вперемежку со всхлипами отвечал бандюк.

– Почему раньше его никто не нашел?! – Сжав кулаки, Граф рвался к «языку», и менее крупному Реверсу едва удавалось его удерживать.

– Тропа... очень хитрая... но вы сможете... пробраться... если... между туманом и кустарником... а-а-а-а-а!.. – Урка уже не всхлипывал, он буквально разрыдался, брызнул соплями и слюнями и отчаянно задергался, пытаясь разорвать веревки.

Реверс оттолкнул Графа, да так сильно, что напарник упал. Осмотрел бандита, перевел взгляд на опрокинутого Графа... Вынул «Ястреб» и короткой очередью прикончил второго похитителя, оборвав рыдания и вопли.

– Извини, напарник, что обоих уродов на свой счет записал, – сказал Графу и протянул руку, чтобы помочь подняться. – Двинули. Я так понимаю, нам к этому Алому надо успеть до того, как сообщники шакалов всполошатся.

– А почему нет, – ворчал Граф, подымаясь на ноги, – у них там гнездо, если проход существует...

– Маловероятно, что он такое придумал. Признался в том, что реально знал, не импровизация это.

– На хрена ты обещал козлу не убивать...

– Без комментариев, – обрезал Реверс.

Темной порой ходить по Зоне, где и днем любой неверный шаг чреват потенциальной смертью, без крайней необходимости не стоит, но – первый круг все-таки. И опыт, который не профукать. И мощные, многорежимные приборы ночного видения. Хотя все равно главное не это. А чтоб удача от бродяг не отвернулась.

Полночи понадобилось напарникам, чтобы достичь Алого Озера или, как эту локацию еще называли, Червленной Лужи. И он нашелся, упомянутый тайный проход. Насмерть перепуганный «язык» не солгал – выдерживая курс промеж кустами и лютым туманищем, пробрались, каждый дециметр пути ошупывая, высматривая, вынюхивая и чуть ли не вылизывая. Не узнали бы, что тропа есть, – фиг бы одолели.

В потаенном, скрытом уголке действительно спрятались логово бандитов. Хорошенько там устроились урки, с комфортом. Ни о каких атаках мутантов и речи не шло – зонные выродки на острове не шастали, а взвесь над трясинной обеспечивала неплохую звукоизоляцию. Как попасть в поселок, ведали только свои. Лафа! Что еще сказать.

– Забыл ты у пленного узнать, кто же нас слил, – с досадой прошептал Граф.

Напарники притаились на краю острова, осматривая тусклые огоньки бандюковского «курорта».

– Он бы не сказал. Нельзя выдать того, чего не знаешь. Тех двух придурков за выкупом послали, похищали не они.

– Уверен?

– Когда я не уверен, то предупреждаю, что гипотеза. Или молчу.

– Буду знать. Короче, действуем по-тихому, – сказал Граф. – База сравнительно небольшая, уцелевших хибар с дюжину. Снимаем по очереди. Их там вряд ли больше десяти штук, козлов. Если поднимется шум... тогда уж по обстоятельствам.

– Пути отхода?

– Я ж говорю, по обстоятельствам... Мы должны ее вытащить. Или сами ляжем. Не согласен – прямо сейчас ползи отсюда, понял?

– Понял, понял. Братан, это ты разве не понял, что мне она... не чужая.

Граф на это ничего не сказал. Только протянул руку и стиснул предплечье напарника...

Поползли бесшумной сапой. Первого противника устранил Реверс. Подкрался сзади и перерезал горло ночному дозорному. Еще двоих вышедших наружу застали о чем-то базарящими. Этих убрали почти синхронно и оттащили тела туда, где поукромней, чтоб до срока не наткнулись живые.

Разделились. Реверс проник в один из домов. Нервы натянулись до предела. Он аккуратно ступал по остаткам древних половиц, любая из деревяшек могла заскрипеть в любой миг. Передняя комната оказалась безлюдной, во внутренней дрыхли двое. Отработанными до автоматизма в течение прошлой беспокойной жизни движениями он вскрыл им гортани.

Можно было предположить, что лагерь был зачищен уже наполовину. Но они с Графом ошиблись, бандюков здесь скопилось больше... Реверс, проверяя дома и остатки домов, собственноручно отправил на тот свет еще шестерых. Отмечая по ходу, что их снаряжение и оружие определенно были выше, мощней и современной уровня, типичного для запертых в Зоне бредунов. Эти бойцы по оснащению могли дать фору всем, кого Реверс до сих пор встретил здесь и сейчас. Разве что... кроме Каракурта.

А вот с боевой подготовкой у этого отряда не ахти. Удача не отвернулась от напарников.

Горячо стало, когда крадущегося Графа ненароком засек кто-то из бандитов. Услышав стрельбу, Реверс ринулся на подмогу, и вместе они расхерачили банду. Главным помощником на войне оказалась ночь, тьма позволяла напарникам перемещаться скрытно, хорониться то тут, то там, наносить неожиданные удары в спину.

Когда счет убитым врагам дошел до двух дюжин, а бой продолжался, напарники не на шутку озадачились. Откуда здесь такая толпа необученных гопников, по сути, не бойцов?! Зачем эту шушеру собирать в кучу, экипировать и вооружать, и главное – как они ухитрились столько лет в Зоне протянуть и остаться беспечными и неопытными...

И ни одного оптического сканера на всю гоп-компанию, с ума сойти! Столько навешано путевой снаряды, а элементарных ноктовизоров – йок!

После третьего десятка Реверс и Граф схлестнулись с целой группой, скопившейся в одном доме. Пока вокруг убивали их подельников, кретины заняли оборону, сидели и ждали, когда придут с ними биться. Ну и пришли. И перещелкали, как мишени в тире. Убедившись, что внутри нет ни одной женщины.

Недобитыми остались три дома. Очевидно, что если Касатка здесь, то в каком-то из них. Распределили задачи парой фраз. Граф прикрывал на случай возможной атаки уцелевших бандитов, а Реверс искал.

Первая постройка использовалась в качестве общей столовки. Сейчас она пустовала. Вход в следующий уцелевший дом, большой двухэтажный, контролировался – внезапно! – снайпером. Стрелок засел на чердаке и с перепугу постреливал во тьму.

Реверс змеей проскользнул в домишко, пробрался наверх и избавился от засевшего там идиота. Затем обшарил каждую комнату, каждый закоулок этого проклятого здания, но безрезультатно. Спустился на первый этаж, вернувшись в самое большое помещение, наверное, бывший актовый зал местной колхозной конторы, двинулся напрямик к широкому проему двустворчатой двери, чтобы вернуться на улицу. И успел пройти до середины помещения, как его...

Окликнули!

– Эй, возвращенец! – насмешливо произнес знакомый голос. – Далеко собрался?

Реверс резко крутанулся на сто восемьдесят. Позади него, у стены, скрестив руки на груди, собственной персоной стоял...

– Да-а-а... – только и сумел выдохнуть Реверс.

– Ага-а-а, – в тон ему произнес Каракурт, все в той же меховой парке, но с откиннутым капюшоном. Причем с ноктовизором на голове. – Нескромный вопрос, ты-то что здесь забыл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.